

СКРИЖАЛИ УЧИТЕЛЯ

Книга Маршама Адамса занимает особое место в истории эзотерической мысли. Написанная и опубликованная столетие назад, она полоснула по небу мирового духовного менталитета вспышкой молнии, осветив скрюченные в воровски-магических позах фигуры служителей и обслуживателей умирающего ев(оп!)ейского культа. Это было тем более поразительно, что, по словам автора, «тьма просветила тьму, а тайна прояснила тайну»!

Чем же и как был достигнут такой невероятный эффект?

С наступлением в конце XVIII века Эпохи Культуры начинается бурный расцвет тех отраслей человеческой деятельности, которые помогают духовной культуре познавать самоё себя, выявляя свои генетические корни. Археологические раскопки, дешифровка древней письменности, палеолингвистика, сравнительная мифология нарабатывают в течение всего XIX века огромный массив новых фактов в гностической панораме человечества. Ученые вгрызаются в эту гору, обрабатывая и классифицируя новые реалии, буквально утопая в их преизобилии. Открытия делаются любителями и “смежниками”, добавляя нервическую хаотичность в цеховую упорядоченность и размеренность прежней академической жизни. “Свихнулся” на мифологизме великий Шеллинг, “потеряли лицо” солидные Макс Мюллер и Александр Веселовский, “погрязли в мистицизме” Артур Шопенгауэр, Ницше и Вагнер.

Не поспевали за изменяющейся картиной мира и эзотерики *par excellence*, хотя капитальные труды таких корифеев, как Фабр д’Оливе, Элифас Леви и Елена Блаватская возвышались утёсами в бурлящем котле преобразования всё это время. Духовное наследие Египта, в свете новых находок, обрабатывалось египтологами с разной степенью эзотерических проникновений. Страницы книги Маршама Адамса пестрят их именами, каждое из которых является вехой в гностической панораме того времени. Мы не комментируем эти имена, отсылая читателей к их интереснейшему наследию.

С другой стороны, не упомянуто ни одного имени из плеяды духовных мастеров нового времени, что тоже чрезвычайно харак-

терно. Это-то, наряду с солидными астрономическими познаниями автора, и производит сильнейшее впечатление. Кажется, что сам текст «Книги мёртвых» (традиционное название суммы “заупокойных папирусов”), гидом по которому выступает Маршам Адамс, выдаёт, источает из себя свои тайны, свои глубины. Но какой непредвзятостью и какой широтой горизонта надо обладать, чтобы считывать эту информацию! Все главные духовные sacramенты мира проистекают из священной долины Нила, имеют здесь не только исток, но и своё адекватное прочтение. Бритоголовость буддийских монахов и почитание индусами лотоса, еврейские обрезание и звезда Давида, русские Дажь-бог и понятие горнего, всё христианство («из Египта воззвал Я сына Моего») с его специфической чертой почитания мощей – и так далее, и так далее, до бесконечности – всё это пришло в мир из страны Кеми. Кеми, т. е. *чёрной*; а теперь сопоставьте это со значением слов Рама и Кришна¹, и картина станет абсолютно полной.

Капитальным откровением Адамса является истолкование Великой Пирамиды как посвяжительного инструмента египетских жрецов, связь её с храмом в Дендере, признание за ними единого автора. Ныне известно, что исполнителем воли фараона (per-o-o) Хуфу был его племянник Хемиун, скульптурный портрет которого, к счастью, сохранился до нашего времени. Он же является архитектором всего Гизского комплекса. И только Сфинкса предание относит к ещё более отдалённым временам. Вся семья, включая Джедефру, Хефрена и Микерина, – необычное явление в истории Египта. Известный по многочисленным публикациям текст «Фараон Хуфу и маги» лишь приоткрывает завесу над их коллективной тайной. Согласно ему, всё нечеловеческое совершенство и сверхъестественная сложность комплекса только камуфлирует, замыкает находящийся под ним храм бога Тота, в котором собрана в памятниках вся мудрость Египта.

Вот почему, а отнюдь не в связи с непомерной амбициозностью – как толковали это озлобленные хамы разных эпох – потребовался такой рывок, такое напряжение всей нации: строительство должно было быть завершено, чего бы это ни стоило. Хуфу это стоило репутации – и, однако, комплекс стоит! Воистину, «время боится пирамид». И хотя всё великое на Земле принадлежит вечности, но декларация – одно, а проверка временем – другое. Пять

¹ Рама – чёрный, Кришна – тёмный, коричневый.

тысяч лет не только без ремонта, но в атмосфере постоянного разгрома, как со стороны природы, так и со стороны людей. Нигде судьба эзотерики и отношение к ней людей не представлены так наглядно, как в истории пирамид Гизы. Глядя на их раны, понимаешь, почему скрывали и почему – позже – скрывались. В ответ на явленную с такой силой мудрость и красоту – лишь злоба и ярость Калибана.

Но непоколебимо стоят колоссы у Нила, и стойкость их нам пример.

Замечательны и соображения Адамса о посвячительной роли саркофага верхней камеры. Наполеон проверил его энергетику на себе. Он выдержал лишь одну ночь. Чехи “открыли” энергетическую потенцию пирамид (pyramids’ power) и приспособили её для хранения мяса и заточки использованных лезвий. Хотя достаточно было вдуматься в значение слова саркофаг (*пожиратель плоти*, эквивалент русского «плотоядный»), чтобы не ломиться в открытую дверь. – Чтобы молиться. Ибо и Пирамиды и саркофаг – для этого.

Выходит, что пирамиды относятся к числу раритетных предметов на Земле. Это маленькая жемчужина в ладони мира. Но какая мощь в ней сконцентрирована! Воистину, это образ острия иглы. Недаром иглы-obelisks и пирамиды оканчиваются одним и тем же навершием *Бен-Бен*, пирамидионом.

Кстати, идея Адамса об изначальной усечённости пирамиды Хеопса вступает в противоречие с традиционным мнением о похищении верхнего монолита вместе с облицовкой в поздние времена “мега-метанского” (“большое метание”) растаскивания остатков неразграбленного добра. Да и какого добра было ждать от жалких арабских феллахов, которые сменили в долине Нила вымерших египтян? Но доводы Адамса столь эзотерически основательны, что иным вариантам подхода просто “нечем крыть”. Ведь недаром сохранились вершины двух соседних пирамид, а у хефреновской и часть облицовки. Рельефы (глаза Гора и т. д.) были на золотой обшивке Бен-Бена, поэтому с её утратой (в очень давние времена) навершие Большой Пирамиды едва ли представляло особый интерес для хищников, тем более что технические проблемы с его демонтажем (если только оно не было разбито прямо наверху и сброшено вниз) были чрезвычайны. Но если Маршам Адамс прав, то крест на верхней площадке и отверстия (монтажные втулки?) являются начальным звеном новой цепи эзотерических исследова-

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

ний, а возможно и открытий. Перспективной представляется догадка Фурдуй и Швайдака² о том, что на вершине Большой Пирамиды стояли антенны передающего устройства, а штанги-шесты, из которых собирался каркас скинии, были суммой антенн ковчега-приёмника. Аналогичные шесты могли втыкаться во втулки креста на вершине Великой Пирамиды и оттуда, предположительно, осуществлялась радиосвязь жрецов-иерархов с их посланником – Моисеем. Электрические феномены, описываемые в Торе,³ дают основания для такой реконструкции общей системы.

Путь к свету только один: от “ненавиды” – к видье. И тропа, по которой вас проведёт проводник Маршам Адамс, откроет перед вами пейзажи из самых прекрасных на Земле.

² Р. Фурдуй, Ю. Швайдак «Прелесь тайны». Киев, 1992 г.

³ Левит. 10, 1-5.

* * *

СКРИЖАЛИ УЧИТЕЛЯ ИЛИ ЕГИПЕТСКОЕ УЧЕНИЕ О СВЕТЕ, РОЖДЁННОМ ОТ МАТЕРИ-ДЕВЫ⁴

(В. Маршам Адамс)

Предисловие

Прошло несколько лет с тех пор, как я указал – сперва на столбцах журнала «New-Review», а затем и в отдельном издании – на возможность обретения ключа к таинственной религии Египта. Этот ключ раскрылся мне через сравнение потайных ходов и покоев, находящихся в Великой Пирамиде, или Сокровенном Доме в Мемфисе, носившем у древних египтян название «Свет», с потайными ходами и комнатами, описанными в священном папирусе, изображающем «Вхождение в Свет», именуемом ныне «Книгой Мёртвых», но известном египетским жрецам под названием «Скрижали Учителя Сокровенного Дома». Указанное мною соответствие между ними выявило, хотя и частично, эти две тайны, взаимно раскрывающие и освещающие друг друга. Принимая во внимание затруднения, связанные с подобным предметом, приём, оказанный моему труду, можно считать довольно благоприятным. В большинстве случаев моя книга была принята как первая попытка истолковать непонятную дотоле религию Египта на основании исключительно египетских источников; особенно ценно в данном случае свидетельство знаменитого египтолога профессора Масперо. «Пирамида и Книга мёртвых, – писал он мне (добавляя при этом, что ни один египтолог не касался ещё этого вопроса), – воспроизводят один и тот же оригинал: первая – в камне, вторая – в словах». Вместе с тем наличность предания среди священников в Мемфисе (факт, позднее сообщенный мне проф. Г. Масперо), поддерживающего моё утверждение, что этот Сокровенный Дом служил местом посвящения неофитов в египетские мистерии, придаёт ему силу, которая может быть умалена лишь непререкаемой очевидностью.

Со времени выхода моего труда я не переставал, по мере сил, углубляться в изучение этого ключа, стараясь в особенности установить степень точности астрономических данных, составляющих столь значительную часть символизма этих памятников. Чисто ре-

⁴ Перевод В. Пушкиной. Ред. и примечания мои. – ОК.

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

лигиозная сторона учения останавливала на себе внимание многих экспертов в чтении иероглифических текстов; и наши сведения о формах, в которые божественные идеи облекались среди древних жрецов, хотя, может быть, и не совсем ясны и стройны, все же в значительной мере свободны от искажений и превратных толкований, окутывавших эти идеи при фильтрации их через весьма пылкий, но удивительно ненаблюдательный интеллект Греции.

Что же касается научных принципов древнеегипетской религии, то, за исключением д-ра Бругша, ни один египтолог, обладающий хотя бы умеренными знаниями по математической астрономии и вместе с тем хоть несколько знакомый с иероглифическими текстами, не посвящал себя специально этой работе; вследствие этого, естественно, и оказалось, что на науку Древнего Египта было излито так много презрения, что по количеству своему его можно сравнить лишь с грудями грязи, наваленными невежественными ордами кочующих арабов на эти величественные памятники и храмы. Вместе с тем очень трудно понять тех, кто, признавая, что египетские храмы были сооружены «астрономами для астрономов», все же беспечно считают эти громадные сооружения, которые в течение тысячелетий скорее горделиво отражали покушение на себя, чем нуждались в поддержке рук человеческих, лишь памятниками безумия ещё огромное их самих. Чем ближе знакомишься с мудростью Египта, тем более и более оправдывается она нашим разумом, и чем точнее выясняется она, тем отчетливее соответствуют ей современные научные данные. Здесь мы стоим уже на твердой почве и можем строжайшим образом проверять каждый новый шаг вперед; однако несравненно легче нам будет проследить и распознать отраженный в этих памятниках Невидимый Свет внутренней, мистической доктрины, если мы правильно уразумеем отношение древних египтян к проявлениям света видимого.

В силу этого при вторичном посещении мною Египта я обратил особенное внимание на эти два пункта. Со священным папирусом в руке я исходил потайные ходы Великого Дома, и, я думаю, вряд ли найдётся человек, проделавший то же самое, держа в уме предания иерофантов и рисуя в своём воображении полночное бдение одинокого неопита среди непроницаемой тьмы этих торжественных покоев, который не признаёт необыкновенную приспособленность сего величественного сооружения к посвящению в тайны невидимого мира. Что же касается научной стороны, мне посчастливилось открыть несколько не замеченных дотоле обстоя-

тельств, проливших много света на астрономические данные; по возвращении в Англию я сообщил публике результаты моих изысканий (если мне позволено будет окрестить их таким пышным словом) частью – в лекции, прочитанной мною в Оксфорде, о научной точности астрономии в Древнем Египте, частью – в письме, напечатанном в «Times» о географических и астрономических данных, лёгших в основу расположения главных его храмов.

Ввиду наличности всех этих условий, мне представилось своевременным несколько расширить наши прежние горизонты и с большей полнотой приступить к исследованию самой сути учений, заключающихся в священных писаниях. Но при этом пришлось, конечно, вновь пройти и по старым путям; и в таких случаях я не нашёл нужным заново писать то, что не подлежало пересмотру, хотя и эти части, несомненно, выиграли ныне в значительности в силу изменений в контексте. В особенности я старался освободить мой сюжет от символизма, которым он был окутан, с целью сделать действительно общедоступной хотя бы некоторую часть «Скрижалей Учителя». Воистину, лишь тот поймёт всё значение подобной летописи для развития человечества и свет, проливаемый ею на общественные проблемы, кто внимательно проследит обычаи и обряды, доктрину и закон из века в век и из страны в страну путём сопоставления истории и предания, реликвий и памятников, и почувствует почти непобедимое упорство, характеризующее властное влияние древности, и жизненность, до сих пор проникающую идеи и верования, на первый взгляд давно уже погружённые в глубокое забвение. Но есть ли человек, хотя бы и легкомысленно относящийся к таким задачам и вовсе не склонный к изучению истории, который не ощутил бы некоторый трепет при мысли о проникновении в самое сердце и мозг людей, кости которых смешались с прахом за тысячелетия до того, как священный плуг наметил очертания стен Рима или Авраам вышел из Харрана по вере в истинного Бога? Самые ранние известные нам формы духовной жизни человека дышат неизъяснимой и непередаваемой прелестью. Мы не можем не испытать грустного чувства, глядя, как эти былые поколения предвосхищали тайны могилы, которые они разрешили столько веков тому назад, тогда как они остаются ещё загадкой для нас. Мы не можем не ощутить благоговения, видя, что они ждали того же бессмертия за пределами могилы, какого с надеждой ждут многие миллионы из нас. И даже такие подробности, как составление календаря или исчисление годов, освеща-

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

ются внезапным светом, когда мы узнаём, что в то время как эти давно усопшие ученые безмолвно и упорно глядели в неисчерпаемую тайну книги Природы, взор их проникал за завесу чувств; и что каждое празднество и каждый цикл, и внешний вид земли и неба изображали для них какую-нибудь сокровенную и вечную истину. И интерес этот всё больше и больше оживает по мере того, как мы переходим от образов и обычаев обыденной жизни к более глубоким учениям о Сокровенном Боге и к раскрытию перед не-офитом тайн Предвечной Мудрости.

Но мне сдаётся, что одна черта в особенности представляет единственный в своем роде и выдающийся интерес.

Действительно, углублённое ознакомление с египетской теософией выявляет с большой яркостью аналогию с христианством. Например, изучение храма Девы-Матери Хатхор, из чрева которой⁵ [1] родился божественный Горус, второе лицо египетской Троицы. Ещё замечательнее то обстоятельство, что учения Нового Завета подтверждаются в египетском Ритуале с ещё большей непосредственностью и прямоотой, чем в Ветхом Завете. Так, например, хотя еврейские писания раскрывают многие имена Божии, они не называют Его Светом; но именно Светом именуется евангелист Иоанн Второе Лицо Св. Троицы; [2] а в первые века христианства участники христианских мистерий назывались просветлёнными. Точно так же обращение «учитель», играющее такую большую роль в египетском Ритуале, нигде в Ветхом Завете не прилагается к Всемогущему, между тем это единственный титул, [3] который возлагает на себя Божественный Учитель в Евангелии, и Он дважды таинственно повторяет его, приказывая ученикам приготовить верхнюю горницу [4] для совершения таинства. Точно так же учение о втором рождении нигде (по крайней мере, открыто) не упоминается в писаниях Моисея или пророков; и поэтому, если бы в этих писаниях было целиком изложено учение, даваемое евреям, то Никодим не услышал бы упрека [5] за незнание этой доктрины. Тем не менее, Моисей, чьё знание всей египетской мудрости считалось замечательным [6] даже через тысячу пятьсот лет после его смерти, был, несомненно, знаком с нею, ввиду того что она составляла существенную часть данной религии и представляла то ритуальное действие, по свершении которого усопший становился до-

⁵ Цифрами обозначены мои примечания, помещённые в конце текста – ОК.

стойным посвящения в мистерии. Таким образом, мы становимся лицом к лицу с проблемой, полной захватывающего интереса, в которой кроется, может быть, объяснение множества загадок. Существовала ли, рядом с летописным откровением или даже раньше его неписаная и непроницаемая тайна, которая передавалась Великим Учителем Учителей, Sekhem Ur am Sekhemmu, поколению за поколением от самых ранних веков, упомянутых нашими писанинами с того времени, когда пророк Енох, предсказавший неверие позднейших времён, «ходил пред Богом» и был с телом восхищен в Сокровенный Свет? Сознаюсь, что мне лично кажется, что подобная точка зрения вовсе не так неправдоподобна, и что в поисках ключа к «Книге Мёртвых» мы, может быть, набрали на откровение. Но относительно этого пункта каждый может составить собственное мнение, поэтому я предпочёл не вступать ни в какие прения, предоставляя данной аналогии говорить самой за себя. Я ограничился лишь попыткой наметить в ясной, доступной всем форме схему тех глубоко скрытых доктрин, которые мне, может быть, удалось уловить, и, таким образом, дать описание самой древней летописной религии, хотя бы до некоторой степени раскрывающее её трансцендентальное величие и небесную красу.

Глава I Воскресение Египта

Среди оживлённой картины возрождения и откровений последнего времени воскресение Древнего Египта занимает выдающееся место. В течение более тысячи лет с того дня, как варвар Омар вступил в столицу древнего царства и тризна по классической науке была совершена в пожаре великой Александрийской библиотеки, вплоть до того часа, когда Шампольон, подобно второму Сириусу, возвестил новую зарю интереса к Египту, всё возрастающая тьма обволакивала собой всю страну.

Но теперь мы знаем, что каждая подробность жизни Древнего Египта проникнута своеобразной прелестью. Относительно всех других государств, за исключением разве Вавилона, можно с большей или меньшей достоверностью установить ту или другую историческую исходную точку. Дни основания Рима или Афин являются лишь средними веками истории по сравнению с временами Хуфу или Менеса.

Индия приписывает своим первым Ведам около четырёх тысяч лет. Китайские священные писания старше их не более чем на ты-

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

сячу лет. Ещё за тысячу лет до того начало Вавилонии уже теряется во мгле. Лишь на берегах Нила мы видим, за многие века до эпохи Аккадийского Саргона, вполне установившуюся монархию и организованное государство, сложную обрядность и органическую иерархию, специфическую архитектуру и богатый алфавит. Вследствие этого на горизонте Египта отсутствует главная аномалия, обыкновенно вносящая путаницу в наше понимание древности, а именно, участие чуждого элемента в образовании обычаев данной расы, в особенности в тех случаях, когда эта раса была пересажена из совершенно другой почвы; поэтому весь цикл египетской цивилизации зарождается, развивается и завершается исключительно в условиях самого Египта. Эта замечательная картина изобилует множеством привлекательных черт. Величественная река, неиссякаемый источник жизни и свежести для всей страны, длинный ряд могучих храмов, венчающих собой её берега, жизнерадостный народ, танцы, игры, песни, состязания, беспрестанные празднества, расцвеченные лодки, обгоняющие священные барки мертвецов, – всё это представляет панораму, которая, в обрамлении ослепительной ясности безоблачного неба, дышит исключительной и незабываемой прелестью. К тому же для того, чтобы составить эту картину, нет надобности напрягать воображение и тщательно восстанавливать её с помощью разрозненных и отрывочных деталей. Нам не приходится складывать в логическое целое отрывочные сведения об общественной жизни, с трудом добытые из случайных указаний и намёков, рассеянных у десятка разных писателей. Не приходится нам также довольствоваться описаниями событий, составленными несколько сот лет спустя. Мы имеем возможность обратиться непосредственно к первоисточникам и изучать летописи в их подлинниках.

На огромных воротах храмов, на стенах, на громадных саркофагах, на архитравах, на колоннах обширных зданий находим мы деяния монархов, запечатлённые в священных иероглифах. Для получения сведений о сражении при Регильском озере мы должны верить преданиям, записанным Ливием. О первой же великой битве при Меггидоне, происшедшей за сотни лет до того, мы имеем современный ей рассказ победителя Тутмоса и список добычи, составленный царскими чиновниками.

Более того, египетские памятники дают нам не только описание событий; они воспроизводят отдельные сцены. Какие следы

остались для взора потомства от торжеств знаменитого Юлия Цезаря? Но победы Рамзеса и Сети, имевшие место за столько же лет до Юлия Цезаря, сколько их отделяет его от нас, живут ещё во всех подробностях. Одежды, украшения, лица, даже цвет волос разных народов, принимавших участие в процессии, – всё это красуется до сего дня на стенах дворцов, бывших свидетелями их. Мы не имеем даже преданий об облике Моисея, Соломона, основателя Рима, даже ни одного из апостолов Христа. Но черты лица фараонов знакомы нам не менее чем его верным подданным. Тройная ограда из массивных колонн, необыкновенно печальных в своём одиноком величии, – вот единственные остатки, которые могут ещё рассказать нам о том, как поклонялись грозному Посейдону в его собственном храме в Пестуме. Но малейшая подробность процессии, шествовавшей под длинными сводами Карнака, сосуд очищения, крылья на священном писце, хор певчих, херувим с распростёртыми крылами, осеняющий Божество, – всё это сохранилось для нас вместе со словами торжественного гимна, который верующие воспевали Невидимому Свету – Ра.

Две отличительные особенности характеризуют собой летописи наиболее древних времён. Нет ничего поразительнее тех глубоких знаний в науке, которыми обладали египетские жрецы, что всё чётче выясняется по мере того, как факты подвергаются всё более тщательному исследованию. Где тот архитектор, который в наши дни взялся бы построить здание более четырехсот футов вышины, состоящее из комнат самой сложной конструкции, которое не требовало бы ремонта в течение пяти тысяч лет? Какой другой народ не только открыл трансцендентальное отношение между радиусом и окружностью – основу всех криволинейных измерений, но и применил его как принцип для архитектурных построек?

Где ещё найдем мы здание, ориентированное с такой безупречной точностью, что, если согласиться с Флиндерсом Петри, минимальное перемещение, происшедшее в течение веков, представляет и, следовательно, измеряет собой вековое изменение, состоящее в связи со скрытой космической силой? Где найдем мы древний календарь, основанный на правильном знании движения Земли? Какой другой народ знал, по свидетельству д-ра Бругша и Г. Масперо, истинное движение Солнца в пространстве? Или кто начертал чудесный цикл звезды-провозвестницы, измерявшей целые века своим восходящим светом, когда она на мгновение озаряла восточный горизонт?

Не менее замечательно и, может быть, ещё более характерно непрерывное участие в жизни и глубокое значение живительной реки. От края до края территории Египта, от века до века в его истории, в религии, в торговле, в почитании мёртвых, всюду, куда бы мы ни обратились, и на чём бы ни остановился наш взор, мы ни на минуту не теряем из виду голубые воды Нила. Эта прекрасная река, безмятежно катящая свои волны на пространстве сотен миль под ясным небом, одна давала свежесть и обилие длинной и узкой полосе плодородной земли, окаймляющей её берега и отрезанной от мира с обеих сторон пустынями, одна делала возможным вообще существование египетского народа.

Согласно древнему преданию, а также и историческим данным, предки этого народа в очень отдалённые времена были не северного, а южного происхождения, будучи уроженцами Пунта, находившегося вблизи источников Нила на экваторе [7]. В соответствии с этим преданием мы видим, что центральной точкой египетского мира была Апту, или южная *Вершина Земли* в «Священной стране Кхент», упоминаемая д-ром Бругшем точка на экваторе, пересекаемая мемфисским меридианом, на западном берегу большого экваториального озера, из которого знаменитая река берёт своё начало. Исходя из этого начального пункта, мы отметим четыре стороны света на земном шаре, престолы четырёх египетских Духов Света с Хапи посреди, охраняющих южные источники Нила. Эти четыре светлых духа, стражи небесного свода, изображались египтянами в виде кинокефальной обезьяны, существа, более всего напоминающего человека [8]. У этих четырёх живых существ, предстоящих перед престолом Ра, священный усопший в египетском Ритуале просил помощи в тот момент, когда великолепие орбиты внезапно раскрывалось во всей своей славе перед его просветлённым взором. Первые иммигранты из этой страны шли, по-видимому, по двум путям. Согласно очень древнему преданию, упоминаемому д-ром Бругшем, одна часть их направилась по берегу реки, осев, по-видимому, временно в Мероэ, где древний храм Амона и развалины Ассура, открытые на этом острове Кайларом, свидетельствуют об их присутствии; тогда как другая часть, согласно открытиям проф. Петри, по-видимому, шла по берегу Красного моря и затем пересекала пустыню вплоть до Коптоса. Не надо забывать, что для Египта юг был той «Великой Страной Света», которой воздавались особые почести. Этим объясняется, почему египтяне носили каждый год священные изображения в страну предков.

Отголосок того же предания слышится в посещениях гомеровыми богами «безупречных эфиопов», ввиду того, что безупречность естественно должна была составить главный мотив благоговейного отношения к первородной расе. В подтверждение этого мы читаем в древней надписи на гробе Амаму, что святой усопший, «пролетев по всему лицу неба», «водворяется среди благословенного содружества на юге». Тот же архаический папирус повествует о небесной стране Кхент или Кхент-Аменти, жилище сокровенного Бога, символизируемой на земле «Святой страной Кхент» в Апту или на южной вершине земли.

Вследствие этого и наиболее священная часть храма была обращена к той же части света, и Великая Пирамида, от входа до отдалённого покоя, была обращена на север и на юг.

Воистину, для египтянина всё русло огромной реки являлось лишь символом невидимой страны Нутер-Кхарт, орошаемой Небесным Нилом, о котором говорит Ритуал; то была священная земля мёртвых с её тройным подразделением на Руста, территорию Посвящения, Аалу, территорию Просветления, и Аменти, место единения с невидимым Отцом. На северном конце реки, где океан открывает доступ в страну, было устье Розетты или Руста, изображающее, как мы видим из папируса времён Хуфу, входы в могилу. Вверх по реке, вдоль всей долины Верхнего Египта, в Дендере, в Абидосе, в Фивах возвышались большие храмы, освящённые проявлениями Божества. На южной границе царства, непосредственно под тропической аркой, пересекавшей в ту эпоху Солнцем в середине лета, находится водопад, или Врата Нила, через которые предки народа некогда вступили в страну. Эти врата изображали в Ритуале ту точку в Аалу или стране Просветления, где святой усопший, совершив Переход Солнца, раскрывает врата Небесного Нила и получает венец Афт – «венец Просветления», сделанный по образцу света Зодиака, славы вышних небес. А ниже к югу лежала священная страна Пунт, далёкая отчизна, подобная Аменти, невидимое жилище Отца их, Бога. То же небесное происхождение и слияние, отражённое таким образом во всей стране, были сконцентрированы и символизированы и в столице. В месте соединения обоих царств, Верхнего и Нижнего Египта, где Нил разветвляется, образуя большой угол дельты, стоял Мемфис, или, вернее, Меннофер, Священная Основа, центр двойного управления Египтом, с его дворцом, посвящённым Духу-Творцу, Птаху; с его кладбищем, именованным «Благословенное Бессмертие», и с его началом –

«Путём невидимых вод». Там же была земля Сочет-Ра, поля Солнца. А вблизи священного города, на западном берегу реки, на одинокой скале высилась Великая Пирамида, тот дом Озириса [9], к которому, как говорит папирус Амен Хотепа, Вечная Мудрость, Тот приводит Просветлённого.

Во всех концах страны прошлое раскрыло свои тайны. Египет, бывший в течение стольких веков страной погребённых мертвецов, вдруг стал страной воскресших мертвецов; и весть, которую огненным глаголом провозглашает столь долго безмолвствовавший голос, есть первичная вера в божественное происхождение человека и его конечное слияние с Божеством.

Всюду и везде во всём Древнем Египте возвещается та же доктрина о вечном Дне. От орбиты Земли, от Полярной звезды в небесах, от восхода Сириуса, от сияния Солнца, от возрождения Луны, от вод реки, от дворцов, от храмов, от самых одеяний усопших исходит голос, который веками заглушён был в могиле; и голос этот с непрекаемой ясностью свидетельствует о суде за гробом и об отцовстве невидимого Бога.

Глава II Религия Света

К какой бы стране земного шара мы ни обратились при наших исследованиях древнейших летописей его обитателей, мы не найдём ни одного народа «от Китая до Перу», по выражению сэра Мэна, на обычаи и общий склад которого религия не имела бы могучего и неослабного влияния. Но Египет является, несомненно, страной, где более чем где-либо, этот принцип проявился во всей полноте своей творческой силы.

Уклад египетской общественной жизни, чрезвычайно сложный по своей структуре и обусловленный во всех подробностях строгим соблюдением обычаев, представляет, тем не менее, очень отчётливое целое, если рассматривать египетский народ как патриархальную семью, основанную на иерархических устоях и органически покоящуюся во всей стране на системе, установленной религией. Вся страна разделена была на столько провинций (или номов, как их иногда жеманно называли, следуя греческой моде), сколько было божественных духов, составляющих, согласно египетской религии, судилище, перед которым представляли усопшие. Главный город каждой провинции считался священным, примыкая к терри-

тории местного большого храма, который в свою очередь являлся оградой вокруг алтаря божества. К каждому храму была приписана отдельная группа жрецов, члены которой не могли входить в жреческую группу другой провинции; тогда как монарх, в действительности всходивший на престол по наследственному праву, по видимому, подвергался ещё какой-то процедуре избрания и посвящался в своё звание первосвященником главной провинции. Однако не одни только храмы посвящены были идеям культа; здания, служившие для обыденной жизни, имели также своё священное значение. В каждой отдельной провинции дворец и канал, наравне с храмом и округом, носили название какой-нибудь мистерии и являлись отголоском страны Святых усопших.

Наиболее характерным было всемогущее и всепроникающее сознание отцовства Бога, обуславливавшее интимный и в некоторых отношениях даже радостный характер, придававшийся египтянами идее смерти; они неизменно рассматривали наше настоящее существование лишь как преддверие дальнейшего бытия, и наши занятия в нынешней жизни – как предвкушение и скол жизни загробной. Отсюда теоретически вытекало, как указывает Г. Масперо, что каждый египтянин имел право на вечную обитель. И христианский апостол, утверждая, что мы имеем нерукотворную вечную обитель на небесах, лишь выражал ту же идею, что и египетские жрецы, когда они говорили о вечной обители, сооружённой божественным Горусом для своего отца, Озириса. По той же причине родоначальник семьи никогда не лишал её своего присутствия. Вследствие этого храмы были дворцами, и дворцы – храмами. И самое великое дело, которое мог совершить величайший монарх, состояло в сооружении себе нетленной гробницы.

Но хотя влияние религии было обширно, и ряды духовенства были открыты всем, кто способен был выдержать соответственный искус, внутренняя доктрина не преподавалась публично и не находила себе выражения в ясном и определённом изложении. Наоборот, она тщательно скрывалась от непосвящённых и излагалась намеренно затемнёнными формулами и путём иллюстраций, непонятных без предварительной подготовки. Тайна, окружавшая религию, вытекала скорее из присущего жрецам осознания божественной личности и их конечного слияния с личным божеством, чем из каких-либо искусственных притязаний на предполагаемую обособленность. Тайна для Бога то же самое, что святая святых для человека, и осознание этой тайны углубляется вместе с увеличени-

ем близости к нему. И хотя три столетия беспрестанных пререканий о сокровенных истинах, наиболее глубоко захватывающих сердце и ум, в значительной мере способствовали огрубению и притуплению нашего духовного сознания, всё же душа содрогается от вульгарного прикосновения, как от нестерпимого оскорбления. Пружины нашего бытия скрыты от нас. От мрака материнского чрева и до мрака могилы источники каждого нашего деяния неведомы нам. Тайна – начало; тайна – конец; тайна – всё содержание нашей жизни. Мы не можем ни дышать, ни спать, ни есть, а тем более думать или говорить, не приводя в действие силы, для нас непонятные, путём процессов, недоступных исследованию. Нет того невежды, который бы этого не знал. Нет того учёного, который мог бы это объяснить.

В числе разнообразных форм и символов, которыми жрецы обволакивали тайну Египта, отметим одну категорию, одновременно разоблачающую сокровенную мудрость и скрывающую её как бы светозарным покровом. Очевидно, ни один обыденный образ, ни минерал, ни растение, ни животное, хотя бы они отчасти и выражали особенные атрибуты или действия Божества, не могли полностью выразить соотношения между Богом и человеком. [10] Лишь небесные светила, повинующиеся в своём светозарном течении законам, не знающим перемен, могли подобающим образом изобразить живую энергию, просветляющую силу, и, прежде всего, беспредельное бытие божественных свойств; эта форма символики была особенно близка психике Египта. Живя среди безоблачной и прозрачной атмосферы, имея всегда перед собой безошибочный механизм Солнца, Луны и звёзд, египетские астрономы-жрецы, или «учителя небесных тайн», как их официально называли, утверждали, что неосязаемая слава невидимого творения отражается в ясной и лучезарной орбите нашей планеты среди небосклона, подобно тому, как этот небосклон во всей своей лучистой красе отражался в прозрачных водах родной реки. Поэтому мы и видим, что в священных писаниях египтян почти каждая религиозная идея изображена какой-нибудь астрономической аналогией; и вместе с тем каждой астрономической концепции и сочетанию соответствует то или другое проявление Божества. Например, в египетском Ритуале мы находим прекрасное указание на просветляющее действие Солнца, по мере того, как Земля, сосуд Божий, совершает свой ежедневный оборот и годичное вращение на небесах. Мы читаем в нём, как священный усопший явился в полной славе своей в

сосуде Ра; и как Тот, Божественная Мудрость, облакает дух праведника миллион раз в одеяние из чистого льна, т. е. из материала, своей чистотой и блеском напоминающего нам плащ, сотканный из лучей света, которым Солнце облакает заново Землю ежедневно, в то время как она вращается перед ним; подобно этому, душа человека получает новый свет каждый раз, как он вновь появляется перед лицом своего Творца. Под влиянием их глубокой теософии каждое явление природы изображало собой соответственное проявление божественной личности, и, согласно Ритуалу, Божество, пребывающее в душе, даёт человеку силу понять эти соотношения. «Я есмь восприятие», – читаем мы – «бессмертная душа». В полуденном сиянии Солнца они видели великолепие Ра; в закате – смерть Озириса; в новой заре – его воскресение в виде воплощённого Горуса; в горящем огне – творческий дух Пта; в гармоничных соотношениях вселенной – Вечную Мудрость, Тота, Разум и Волю Господа; в звёздном небосклоне, увенчанном Алкионом и Плеядами (священный бык и коровы), – неизреченную красоту Хатхор, живого ковчега священного Света.

Таким образом, в религии Древнего Египта, глубочайшей и наиболее захватывающей тайне древности, видимое творение рассматривалось как отражение невидимого мира. И сущность её состояла не в неопределённой вере в загробную жизнь, а в начертании Пути, на котором праведник, миновав врата могилы, проходит через последовательные ступени посвящения, просветления и совершенства, необходимые для того, чтобы подготовить его к вечному слиянию со Светом, Великим Творцом. Этот путь, идущий через сокровенные области вселенной, по-видимому, был предметом тайных мистерий, которые сообщались кандидату, согласно египетскому преданию, Учителем Тайного Свитка в сокровенных покоях Дома, мистически именовавшегося Светом. Для того чтобы проследить его учение, нам надлежит, прежде всего, поднять глаза к небесам вокруг нас и понять, что наш земной шар сам является частью звёздного воинства.

Глава III

Празднества Солнца и Луны

Время – самый могущественный фактор, обуславливающий человеческие дела, вместе с тем и наиболее неосязаемый. Обо всём другом, поддающемся измерению, как, например, о скорости ветра или протяжении пространства, мы можем, по крайней мере, по

аналогии составить себе хоть некоторый ментальный образ; но трудно нам судить о том, имеет ли время или не имеет самодовлеющего существования. Один ментальный факт человек считает неоспоримым для себя, а именно, что мы знаем наше прошлое и не знаем будущего; между тем, кто поставит точку разграничения между прошлым и настоящим? Так тонка, так неуловима эта бесконечно малая и вечно движущаяся черта между двумя безбрежными пространствами, этот атом существования, именуемый нами настоящим моментом, что он не может быть даже схвачен мыслью. Когда человек говорит «Я есмь», просто утверждая своё существование самым коротким предложением, которое он только может произнести, – то пока он говорит «Я», – слово «есмь» лежит ещё в будущем; когда он говорит «есмь», – слово «Я» уже в прошлом. Между тем, от только что прошедшего момента и того, который сейчас наступит, мы отделены бездной столь же абсолютно непроходимой, как и та, что отделяет нас от времён фараонов или от будущего, которое наступит через тысячи лет. «Сам Бог не может уничтожить прошлого», [11] – говорит Пиндар. «Тень, вечно сокрытая, вечно близкая, ты, имя которому Завтра», – восклицает французский поэт в известной оде. «Я есмь Вчера», – говорит Озирис в египетском Ритуале, подразумевая под этим, что тот, для кого настоящее не существует, освобождается от условностей времени, ограничивающих смертный интеллект. «Я есмь Сегодня», – вторит ему вступающий в престолонаследие Гор.

Но время, хотя само по себе и неосязаемое, производит результаты одновременно осязаемые и всеобъемлющие; никто не может отрицать перемен, производимых временем во всём живущем и, в особенности, в двух наиболее явственных формах перемен: в росте и в движении. Всюду, где можно проследить увеличение в объёме или изменение положения какого-либо тела в течение определённого календарного периода, там, очевидно, подлежит измерению и время. Таким образом, перемена во внешнем виде цветка или направление отбрасываемой тени отмечают шествие часов. Возвращение некоторых хорошо знакомых ароматов и звуков возвещает о наступлении и прохождении времён года. Постепенные перемены в нас самих и в наших друзьях говорят нам о беге лет. Лишь переменами можем мы измерить время.

Как же нам найти определённое и постоянное мерило, неизменное и вечно пребывающее, к которому мы могли бы отнести этот наиболее текучий и неуловимый элемент? Лишь в механизме

самых небес, т. е. в относительных изменениях небесных тел, постоянно меняющихся, но вечно возобновляющихся в определённые промежутки времени, можно найти такое мерило, которое будет неизменно возвращаться, хотя бы и века проходили. Главным из таких периодов является орбита нашей планеты, движение, дающее ключ ко всем разнообразным аспектам Вселенной. От этой орбиты фараоны заимствовали наиболее пышный свой титул: «Неб [12] Сеннен», Владыка Орбиты, провозглашающий одновременно всеобщность и длительность их власти; от неё посвящённый в египетском Ритуале получал своё просвещение в небесных науках. Это движение также в не меньшей мере связано и с ясностью небес; ни один естественный космический образ не дышит таким светом и миром, как образ вечно текущего года, непрерывно вращающегося вокруг подножия Бога. Даже среди тумана и мглы бой часов – эта летопись движения планеты – напоминает нам, как ограничена окружающая нас тьма, и что тусклая Земля под нашими ногами светит далёким братьям своим в бесконечном мировом пространстве. По мере того как сплетается эта лучистая орбита, круг за кругом неизменной красоты, цикл за циклом вековых периодов свиваются вокруг неё, подобно светозарным змеям, и измеряют бездны времён годами Всевышнего.

Такая система гармонических периодов и мерных интервалов, соответствующих вселенским, а не произвольным мерилам, являлась естественным, скажем, – даже существенным элементом в теософии жрецов, скрывавших свои религиозные учения под завесой аналогий Света. Соблюдение некоторых священных празднеств, находящихся в зависимости от повторяемости разных явлений, составляет наиболее значительную и живописную черту в общественной жизни Египта. Интересно отметить, что, изучая периоды и празднества, известные “учителям небесных тайн” при дворе фараонов, мы от времени до времени будем находить ключ к некоторым терминам, употребляемым нами в просторечье, но происхождение которых мы не умеем объяснить. И мы увидим, вероятно, не без удовольствия, что они являются результатами не каких-нибудь произвольных, хотя бы и остроумных, комбинаций, а вселенских гармоничных сочетаний, и изображают, так сказать, линейки и такты музыки сфер.

Не подлежит сомнению, что Луна была священным и, по крайней мере, в первые времена сокровенным мерилом египетской науки. Тот, великий Владыка Мудрости и Меры, божественный

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Летосчислитель, имевший перед собой весы правосудия, на которых взвешивались свет и тьма нравственной жизни человека, был владыкой не Солнца, а Луны; и этому последнему светилу мы обязаны нашей основной единицей времени. Если мы рассмотрим движение Луны в сравнении с движением Солнца, мы увидим, что время, потребное для того, чтобы Луна покрыла пространство, равное её диску, соответствует ровно одному часу; таким образом, практически установилась эта важная единица. Мера «часа» была особенно священна в Египте; каждый час из двадцати четырёх часов, рождающихся в течение одного обращения Земли, посвящён был своему особому божеству – двенадцати светлым божествам и двенадцати тёмным. «Объясни Бога-в-часе», – спрашивали адепта в Ритуале, когда он стоял в зале Истины. И этот Бог-в-часе, узнаём мы, был Тот – «Господь Луны и Летосчислитель Вселенной».

Если мы обратимся теперь к движению нашей планеты, мы увидим, что, согласно свидетельству д-ра Бругша, египетский солнечный календарь был основан на двояком принципе; один из них служил для гражданского, другой – для священного летосчисления. В первом год кончался по истечении трёхсот шестидесяти пяти дней, так что начало каждого нового года обегало весь круг времён года в течение 4×365 или 1460 гражданских лет. Но в священном календаре в конце каждого четвёртого, или Великого Года был введён ещё один день. Отсюда четыре больших поворотных пункта в году – весеннее и осеннее равноденствия (или дни, когда свет и тьма равно длительны на всём земном шаре); и летнее и зимнее солнцестояния, когда Солнце достигает наибольшего своего северного и южного склонений, всегда приходились, как и у нас, на определённый день в священном календаре. Эти празднества были изображены в Ритуале четырьмя пламенными языками, окружавшими бассейн солнечного огня; у каждого из них стоял один из божественных духов, «провозглашавший Истину перед Владыкой Вселенной».

По установлении этого летосчисления, началом священного года было избрано летнее солнцестояние, т. е. время, когда Солнце достигает северной точки своего тропического владычества среди полного блеска своего летнего великолетия. В данной стране момент солнцестояния особенно соответствовал этой цели; предел тропиков простирался в то время до 24-х градусов северной широты, и Солнце входило в середине лета на несколько дней в Египет, становясь вертикально Филэ, расположенному на острове на пер-

вом водопаде, или у «Врат Нила», как называли его египтяне, на южной границе государства. Согласно с этим и ввиду медленности, с которой в данное время года Солнце, благодаря косому направлению эклиптики, меняет своё склонение, египтяне делили орбиту на две совершенно отдельные части: на короткий период покоя и долгий период движения, соответствовавшие короткому периоду пребывания Солнца в пределах государства и долгому промежутку между уходом его и возвращением. Этот последний период орбиты, состоявший из трёхсот шестидесяти дней, был симметрично разделён на двенадцать равных месяцев, причём, каждый из них состоял из трёх десятков дней, и на три равных времени года; каждое из них состояло из двенадцати десятков дней; они носили названия наводнения (Се), или разлива реки, Зимы (Пир) и Жары (Сему), более или менее соответствовавшей нашей весне. Более короткий период, состоявший из священного промежутка, или Юбилея, продолжался в обыкновенный год пять дней, а в великий, или четвёртый год – шесть дней и был всецело посвящён специальным празднествам. Поэтому каждая половина орбиты или переход от лета к зиме или от зимы к лету содержали восемнадцать десятков дней, и эти десятки, с солнечным змеем во главе каждого из них, – спиральный изгиб, чертимый на поверхности земли вертикальным Солнцем в течение каждой половины орбиты, – зарисованы в поразительном изображении календаря на стенах знаменитого храма Дендеры.

Небезынтересно и поучительно было бы сравнить египетскую систему с нашим високосным годом, которым мы, собственно говоря, обязаны Египту, при содействии астронома Сосигена, привезённого Юлием Цезарем из Александрии для исправления путаницы римского календаря. Этот знаменитый грек, по-видимому, выполнил свою задачу, пользуясь методом произвольного приспособления. Он пренебрёг или, может, мало знаком был с принципами египетского летосчисления и вовсе ничего не знал о тонкостях дальнейшего приспособления, которых оно требовало; и действительно, не прошло и пятидесяти лет, как его поправки потребовали новых поправок. Он не принял во внимание ни единицу измерения, ни орбиту, ни священный промежуток. Он сперва разделил годы на двенадцать неравных и бессмысленных кусков – термин «части» был бы слишком научным для него, – и эти обрубки носили имя поруганной Луны, хотя надменный меряльщик и не удостоил её своего внимания. Затем он прибавил нечётный день к нечётному

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

месяцу, приблизительно так, как ребёнок, сломавший игрушечную лошадку, приклеивает кусок хвоста к самой короткой ноге и приглашает при этом весь мир полюбоваться его произведением. Разница между египетским и римским календарём вовсе не случайна и не маловажна. Наоборот, она даёт нам ключ к значению его в древней стране, как великого политико-религиозного орудия, которым социальная экономия народа приводилась в согласие с теософией жрецов. Среди современных народов единственной желательной целью как будто является монотонность повторяемости, облегчающая распределение дел и удовольствий и дающая возможность заключить в строгие рамки небольшой период времени, отпущенный жизнью. Поэтому всякая система, нарушающая правильную рутину, в особенности если она связана, как то было в Древнем Египте, с воспоминанием священных событий, возбуждает скорее нетерпение, чем радость. А разные тонкие деления календаря, по-видимому, считаются как бы обрезками времени, разбросанными по небу Солнцем и Луной и требующими, чтобы какой-нибудь хитроумный астроном (вроде Сосигена) сложил их и аккуратно прибрал.

Чрезвычайно отличалось от этого узкого и скудного понимания восторженное отношение египетских Учителей Тайн Небесных к этим священным промежуткам. Во всей символике страны жизнь изображается как центр, окружность, совокупность добра. Жизнь была скипетром в руке Амона; жизнь была богатейшим «даром Озириса». «Не будь неблагодарен Создателю, – говорит мудрец Пта-Хотеп в древнейшем, может быть, существующем документе, – потому что он даровал тебе жизнь». «Я есмь Источник Жизни, – говорит Создатель в ритуале, – Я пронизываю тьму; Я освещаю всем путь; Я – Владыка Радости». Поэтому эти промежутки с благодарностью принимались ими как отдых, когда время, подобно Солнцу в солнцестоянии, как бы отдыхает немного, и человек может без ущерба наслаждаться драгоценным даром жизни. Вследствие этого юбилейный промежуток, или время славословия, разделявший или, скорей, соединявший год с годом, относился египтянами не к периоду зимнего мрака, как у нас, а к периоду одновременного достижения и обновления, когда Солнце сияло во всей полноте своей силы, и вздымающиеся воды Нила начинали обновлять свои животворные волны; и каждый день в этом промежутке ярко выделялся среди других чествованием какой-нибудь особой формы божественного проявления. По образу того, как

ежегодно возобновляется божественный дар любви, в первый день этого периода непрерывного славословия праздновался день рождения Озириса, Бога Света и Жизни, Первопричины Творения. Во второй день – рождение Горуса, Владыки Новой Зари, так как сама заря возобновляется при каждом новом вращении Земли. В третий день – рождение Сета, Духа-творца Земли, в ознаменование того, что наша планета вступает в новый круг своего бега вокруг Светила-отца. В четвёртый день – рождение Изиды, с её двояким человеческим и божественным материнством; как символ того, что вся природа пробуждалась к новой жизни и силе вместе с обновлением реки. На пятый день праздновалось рождение Нефтиды, Владычицы Вод, из божественной личности которой изливался поток жизни, «дававший каждой мумии напиток, которого она жаждала, подобно тому, как пересохшие поля жаждали вод Нила». В каждом четвёртом, или Великом году происходило шестое торжество – праздник Хеп-Тепа, или Конца-Начала [13], когда обращение и вращение планеты одновременно заканчивалось и начиналось вновь; и вместе с тем само Солнце в своём мощном шествии в пространстве, во главе всей нашей планетарной системы, завершает круг своей огромной орбиты, почти одинаковой по длине с течением нашей планеты вокруг него. Такова была симфония света и радости, знаменовавшая для египтянина начало лучезарного года.

Глава IV

Разлив реки и ориент звезды

В то время как солнечные и лунные периоды налагали печать своей стройной гармонии на египетское летосчисление, другой цикл природы, совершенно оригинальный и гораздо более характерный для данной страны, определял её времена года и устанавливал главные её празднества.

В одном только Египте, из числа обитаемых стран, единственным источником жизни является река. Эта узкая полоса земли, чрезвычайно плодородная, когда она орошается водами Нила, является сама по себе лишь частью бесплодных и безбрежных пустынь, простирающихся по обе стороны её от моря до моря, и если бы иссякли плодоносные воды, изливающиеся из далёких горных источников на экваторе, Египет перестал бы существовать как населённая страна. Это обстоятельство неукоснительно и неумолимо запечатлевается в умах её обитателей, и оно же отличает

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Египет не только от наших северных областей, но и вообще от всех других государств; нигде мы не встретим высококультурной и многочисленной нации, стоящей в столь исключительной зависимости, в смысле насущного хлеба, от дождей, падающих не в её собственных пределах, а в отдалённых и даже неведомых странах.

Подобно другим установлениям в Египте, его празднества носили на себе характерный отпечаток его почвы. Как и все египетские концепции, они были полны мистического значения, и внешние события, отмечавшиеся ими, стояли в связи с ежегодным разливом и убылью речных вод, изображавших для них неиссякаемые потоки Небесного Нила. Египтяне утверждали, что их река «ниспадала с южного неба», в силу того, что она питалась тропическими дождями, падавшими в далёких южных областях; отсюда же, согласно дружному свидетельству древнего предания и современных изысканий, изошли и родоначальники их. Вследствие этого, разлив Нила омывал как бы сверкающим потоком как религию, так и науку Египта; и ввиду того, что постепенный подъём и убыль его неиссякаемых вод свидетельствовали о течении нашей планеты вокруг Светила-отца, небесные события, отмечавшие явления, связанные с его поступательным движением, соединялись с торжествами, приветствовавшими поднятие вод в реке.

Из трёх времён года, состоявших каждое из ста двадцати дней, главным был, несомненно, так называемый Разлив (Се), начинавшийся непосредственно после священного промежуточного периода, когда праздновался целый ряд божественных рождений. Приближение этого времени возвещалось ещё за несколько недель различными признаками на верховьях реки, и эти предварительные симптомы отмечались празднествами, завершавшими собой только что минувший год. В конце марта и в первой половине апреля (начала египетского месяца Епифи) начинает дуть сильный ветер, Камзин, представляя собой дыхание Тифона-разрушителя. Затем наступает зимнее равноденствие; Око Солнца вновь выглядывает из зимнего мрака. Несколько позднее тропические дожди, неся перед собою всю массу разложившейся в реке растительности предыдущего года, делают на несколько дней воды Нила зелёными и нездоровыми; тогда Озирис, как гласит Ритуал, производит такое зловоние в реке, что боги и люди и сами дьяволы ужасаются ему. Этот удивительный образ символизирует нравственное очищение всего человечества Озирисом и отпущение грехов Оправданному, согласно Ритуалу, «четырьмя Правителями, провозглашающими

Истину перед лицом Владыки Вселенной». Через несколько дней после Зелёного Нила, как называется эта фаза, следует период, когда река делается красной и воды её становятся необыкновенно сладкими. Это необычайное явление неизменно сопровождает собой разлив и наблюдается и до нынешнего времени. Геродот оставил нам прекрасное описание его, пространно цитируемое проф. Масперо и являющееся замечательным доказательством устойчивости характерных свойств Нила. На верховьях реки это явление наблюдается в начале мая, каковое время и назначено было Дендерским календарём для отплытия барки Ра; но барка доходит до Филэ лишь в середине июня, так что в Нижнем Египте оно как бы находилось в связи с солнцестоянием и отмечалось торжеством, носившим наименование «Глаза, налитого кровью». Приблизительно за пять дней до летнего солнцестояния происходит торжество, известное теперь под названием Ночи капли, но тогда именовавшееся Слезами Изиды. Затем наступает период наиболее низкого уровня воды – смерти реки, когда Озирис обёртывается «в свои пелены»; за этим, в период солнцестояния, вскоре следует рождение Божества и другие божественные рождения. На следующий день после завершения священного промежутка праздновалось начало Нового Года или первый день месяца Тот; а на второй день этого месяца, когда подъём реки становился уже заметным в Мемфисе, наступал праздник Розового Венца Хапи, гения Нила и духа, охранявшего Святых усопших при их вступлении в новую жизнь. Пятьдесят дней спустя вода настолько высоко поднималась в реке, что можно было открыть общественные шлюзы в Верхнем Египте, на каковое событие, по-видимому, и намекалось в празднестве Раскрытия Дверей; два дня спустя наступал праздник наибольшего полноводья Нила и Воздвижения Тата, т. е. священного измерения воды – церемонии, сохранившейся до очень недавнего времени. Ещё через пятьдесят дней разлив достигал кульминационной точки, и наступали десятидневные празднества вод. За сезоном Разлива следовала зима (Пир), когда начинался важный период «Вспахивания Земли»; в течение этого сезона воды постепенно падали до своего нормального уровня, причём убыль их начиналась в Филэ и кончалась в Нижнем Египте. Затем наступал сезон Сему (или жары), когда созревала жатва, и начинались предварительные торжества по поводу приближения Нового Года.

В этом соединённом хоре ликований, исходивших от неба и от земли, принимали участие и звёзды. Как бы непостижимо отдалён-

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

ными ни были эти пламенные солнца, столь превосходящие нашу планету величиной и силой, само их отдаление позволяет им выполнить некоторые функции в смысле небесных измерений, в которых отказано более близким и видимым для нас светилам. Например, промежуток между двумя последовательными прохождениями Солнца через меридиан данного места (или, другими словами, длина солнечного дня) зависит не только от периода времени, в который Земля обращается вокруг своей оси, но отчасти и от перемены, происходящей в положении Земли в течение этого промежутка; и ввиду того, что скорость этого движения подвержена некоторым колебаниям, – то оно быстрее, то медленнее, – промежуток между этими двумя прохождениями слегка разнится день ото дня и вследствие этого не представляет незыблемой меры времени. Что же касается звёзд, расстояния до них настолько велики, что громадная орбита Земли сокращается в сравнении с ними до точки в пространстве; и промежуток между двумя последовательными прохождениями одной и той же звезды (или длина так называемого звёздного дня) зависит исключительно от времени, потребного для полного обращения Земли вокруг своей оси. Но скорость этого вращения, насколько известно, никогда не подвергается какому-либо заметному изменению; поэтому последовательное прохождение каждой данной звездой определённого места в небесной сфере создаёт необходимое условие для небесного измерения, т. е. определённую и неизменную меру времени.

По той же причине солнечный день несколько длиннее звёздного дня, причём, разница выражается в среднем приблизительно в четырёх минутах, т. е. во времени, нужном для прохождения Землею одного градуса небесной сферы. Всякий, наблюдавший какую-нибудь звезду в течение нескольких ночей подряд, вероятно, заметил, что она восходит каждый вечер на четыре минуты раньше, и что в определённый час каждую ночь она продвигается на один градус в сравнении с предшествовавшей ночью. Через пятнадцать дней эта разница выражается уже в целом часе, и в силу этого, как мы узнаём из чрезвычайно интересной статьи профессора Ренуфа о календаре Девятнадцатой династии, наблюдения над звёздами производились каждые пятнадцать дней. В этих соотношениях в связи с одним явлением необычайной красоты, мы черпаем ключ к наиболее знаменитому способу египетского летосчисления.

Поскольку данная звезда встаёт в данном месте, например, в Мемфисе, на приблизительно четыре минуты раньше ежедневно,

следует, что каждый год наступает такой день, когда звезда проявляется в том же месте ровно настолько раньше зари, чтобы быть видимой на горизонте несколько секунд до исчезновения своего в разгорающемся блеске её. Явление это астрономически именуется гелиакальным восходом звезды, но который короче и удобнее называть просто ориентом её. На сколько градусов Солнце находится ниже горизонта в период ориента звезды, точно не установлено, и это число несколько меняется сообразно с местностью. Но обычно считают, что Солнце стоит на десять градусов ниже горизонта в ту минуту, когда звезда меркнет в сиянии зари; таким образом, случается это приблизительно за сорок минут до полного восхода Солнца. Выясним теперь отношение между двумя последовательными ориентами (на расстоянии, конечно, одного года между собой) какой-нибудь звезды; для этого выберем, по примеру египтян, Сириус, или, как они называли его, Сотис⁶, наиболее яркое из далёких солнц, представляющее для нас пламенного стража огненных воинств в пространстве. Положим, что в определённый день, например, в середине лета, Сотис находится на горизонте Мемфиса в то время как Солнце стоит на одиннадцать градусов ниже горизонта, т. е. на один градус ниже точки зари. В тот день ориент Сотиса произойдёт или, иначе, он взойдёт как раз перед зарёй и будет виден на горизонте около четырёх минут (пока Земля проходит через один градус), после чего он померкнет в сиянии зари. Но в годовщину этого дня (благодаря соотношениям между быстротой вращения и обращения Земли слишком сложным, чтобы их можно было объяснить на этих страницах) это явление происходит на минуту позднее, так что звезда бывает видна три минуты, затем две, затем одну минуту. В четвёртую годовщину она поднимается до горизонта лишь в ту секунду, когда зачинается заря, и, следовательно, вовсе не бывает видна в этот день, но ориент её будет иметь место на следующее утро, когда она будет видна четыре минуты, и всё явление повторится сначала⁷. В силу этого по окончании каждого большого цикла (четыре года) ориент звезды будет разниться на один день и, следовательно, на триста шестьдесят пять дней в цикле 4×365 или 1460 гражданских лет. Но разница в

⁶ Египтяне называли его, собственно говоря, Софтом, но мы придерживаемся здесь более известного наименования Сотис.

⁷ Это явление было математически вычислено в трактате, напечатанном в 1640 г. Оксфордским астрономом Гревсом.

один день точно совпадает с днём, который вносился в священный календарь каждый четвёртый, или Великий год, точно так же, как и в наш високосный год. Следовательно, эта особенность не являлась плодом каких-нибудь условностей, а основывалась на определённых астрономических вычислениях.

Этот чудесный цикл с его тетрахордом звёздного сияния, вспыхивающего на горизонте и затем меркнувшего в разгорающемся свете, имел, судя по указаниям, содержащимся в Ритуале, духовную аналогию с праздником Образов или Божественных форм красоты, в которые усопший облакался, по образу звёздных духов, перед погружением своего света, если не всего существа, в великолепие проявленного Божества.

Глава V Священные вехи веков

Среди разнообразных особенностей, характеризующих Нил, от общего внимания ускользнуло, кажется, то обстоятельство, что Египет представляет, не только в силу своей атмосферы, но ещё более вследствие своего местоположения, наиболее естественную основу для измерения Вселенной. Один только Египет в ряду обитаемых стран заключает в своих пределах определённые точки на земной поверхности, связанные с великими планами небесных построений, в силу чего измерение и запись периодического движения нашей планеты в кругу небесных тел становятся лёгкими и возможными. Для большинства учёных в других странах эти основные планы, как, например, эклиптика и план орбиты Луны, являются лишь воображаемыми бороздами в безбрежном пространстве, на которых разум человеческий построил умственное измерение материальной вселенной. Хотя наукой и признано, что они пересекают некоторые точки земного шара, но большею частью море, горы и пустыни завоевали безлюдные местности, через которые они проходят. Местности, настолько отдалённые от человеческого жилья, что мы не в состоянии ясно себе представить, что положение какого-нибудь памятника или какой-нибудь особый изгиб реки отмечает собой, например, границу тропиков и, следовательно, указывает, в каком месте план орбиты нашей планеты проходит через поверхность Земли. Совершенно иначе обстоит дело на узкой полосе плодородной земли, вызванной к бытию Нилом, этой своеобразной рекой, вытекающей из большого экваториального

озера и пересекающей в своём нижнем, египетском течении великие астрономические планы, между прочим, и те планы, в пределах которых вращаются небо и Земля. В силу этого, только на берегах этой реки мог человек воздвигнуть осязаемые и прочные памятники, являющиеся вехами эфирного и безбрежного пространства. Вместе с тем при посредстве тени, отбрасываемой колонной, или направления подземного хода он мог навеки запечатлеть небесные соотношения нашей планеты в её непрерывном вращении. Не надо забывать, что, как ни многочисленны и сложны изменения небесных светил, законы, определяющие их, математически точны и не подвержены произвольным колебаниям; поэтому если соотношение между какой-нибудь точкой на земной поверхности и небесными светилами может быть точно определено, вычислено и записано, то и точное положение относительно этого момента всякого другого небесного тела и всех небесных планов, каковы бы ни были их колебания и отклонения, подлежат строгому вычислению и определению (в пределах человеческого знания) на каждый момент времени в прошлом, настоящем и будущем.

Таким в точности установленным моментом является начало египетского календаря, ведущего своё счисление не от определённого года или месяца, а от момента ориента, или гелиакального восхода определённой звезды. Вместе с тем мы видим, что местоположение столицы в данный период отличается особыми взаимоотношениями, стоящими в связи с египетским и вселенским изменением. Мемфис, или Меннофер, знаменитый город, построенный не менее знаменитой Четвёртой египетской Династией, стоит в непосредственной близости от вершины Дельты, самой характерной точки на протяжении длинного течения реки, отмечающей собой место соединения между северным и южным царствами. На скалистом возвышении, неподалёку от этого места, господствуя над огромной пустыней, простирающейся к Западному Океану, высится Великая Пирамида, возведённая монархом-астрономом Хуфу около 4235 г. до Р. Х., [14] т. е. за очень немного лет до основания иероглифического календаря. Местоположение этого памятника замечательно как ввиду общей структуры страны, так и в смысле отношения его к двум главным точкам, к которым должны быть, прежде всего, отнесены все человеческие измерения пространства, а именно к центру и к полюсу Земли: *расстояние, отделяющее его от полюса, равно расстоянию, отделяющему его от центра.*

Одна замечательная особенность в этом сооружении, бывшая предметом многих догадок, удивительно ярко иллюстрирует это отношение к полюсу. Единственный подземный ход, открывающий доступ во внутрь пирамиды, не лежит горизонтально и не начинается на уровне земли; он открывается на высоте приблизительно пятидесяти футов от основания и наклонён изнутри вверх под таким углом, что, согласно вычислениям, подтверждённым профессором Флиндерсом Петри, он указывает на положение, которое занимала северная полярная звезда пять-шесть тысяч лет тому назад. Это направление не было случайностью, о чём свидетельствует вся пирамида.

Если мы обратимся к священным египетским текстам и сравним их с этим священным памятником, мы увидим, что они полны ссылок на астрономические данные и в особенности на так называемый в папирусах Горизонт Небес, являющий собой круг, очевидно, совершенно отличный от того, что мы подразумеваем под небесным горизонтом всякой данной местности, и занимающий определённое и значительное место во вселенской сфере. Более двух лет тому назад я обратил внимание на тождество этого круга, дотоле не отмеченного египтологами, с большим кругом, образующим небесный горизонт наблюдателя, стоящего на экваторе, и имеющим в своём зените точку равноденствия (или, другими словами, с кругом, именуемым нами колюром солнцестояния). Но в виду того, что этот круг проходит через полюс, светило, служащее показателем его положения, и есть Полярная звезда, к которой астрономически обращён вход в Великую Пирамиду и которая изображала для египтянина вход в невидимый мир. Поэтому одной из главных целей моего последнего посещения Египта было исследование этого отношения Пирамиды к полюсу; сознаюсь, что подтверждение, полученное мною, повергло меня в величайшее изумление.

Вместе со всем остальным миром я был уверен, что на наружной стороне здания нет иероглифов. Но, поднявшись на пятнадцатую [15] ступень (на ту самую, о которой я специально упомянул), где входное отверстие, заслонённое от наблюдателя, стоящего непосредственно под ним, раскрывается взору во всём своём объёме, я увидел один огромный глубоко высеченный в камне иероглиф над самым входом; и этот иероглиф был именно иероглиф Горизонта Небес. Если бы строитель памятника хотел подтвердить

мои предположения одним штрихом, согласно своей молчаливой и абсолютной манере, он не мог бы выбрать более удачного способа, чем начертание именно этого характерного иероглифа на именно этом месте.

Обратившись теперь к южной конечности верхнего царства, мы увидим, что на острове Филэ, у «врат Нила», находится другая древняя надпись, в которой говорится о «великом своде Солнца во времени его» как о характерной особенности данной местности, и о круге, «над которым Солнце стояло в центре». Такое описание было бы неправильно в настоящее время, ввиду того, что остров лежит на 24 с лишком градусе широты, тогда как граница тропиков очерчивается $23,5^\circ$, следовательно, Солнце не может стоять вертикально ни к одной его части. Но в силу того, что в течение очень длинного периода времени наклон эклиптики постепенно уменьшался, границы тропиков должны были быть шире в прежние века, и это явление должно быть явственно и очень заметно во времена Хуфу. Согласно вычислению Эри, наклон эклиптики уменьшался приблизительно на пол минуты (дуги) в столетие; следовательно, в ту эпоху он был очень близок к 24° . Поэтому Филэ (или, вернее, Пилак) лежал почти вертикально под Солнцем в летнее солнцестояние, отмечая собой, таким образом, на все времена положение этого светила относительно Земли в ту эпоху, от которой иероглифический календарь начинает своё счисление.

Точно так же, если мы вычислим положение, которое занимала Луна в эпоху открытия календаря, когда она находилась на самой дальней точке эклиптики, совместимой с затмением, мы увидим, что она была вертикальна широте Луксора. А ещё замечательнее то обстоятельство (ввиду того, что оно относится к эпохе, задолго предшествующей началу календаря), что самая дальняя точка, когда-либо достигнутая Солнцем в силу изменения эклиптики, лежала на $24^\circ 33'$ широты; и эта широта отмечена храмом Омбоса.

Однако, помимо отношений нашей планеты к Солнцу, Луне и звёздам, есть ещё одно движение, влияющее на всю орбиту и специально иллюстрированное положением и планом одного знаменитого храма. Это движение состоит в необычайно медленном вращении оси небесной сферы вокруг оси эклиптики в течение приблизительно 26 000 лет; оно именуется циклом прецессии, ввиду того, что в результате его, как известно, точка, в которой Земля пересекает план своего собственного экватора, слегка предвваряет

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

каждый год положение, которое она занимала в предшествующее её обращение. Этот цикл был известен астрономам Древнего Египта, что с достаточной убедительностью выясняется (хотя это будет подтверждено и другими соображениями в дальнейших главах) из того факта, что он разрешает некоторые аномалии, которые доктор Бругш, известный знаток иероглифического календаря, ясно отметил, не пытаясь их объяснить. Например, во времена позднейших династий употреблялась двоякая система летосчисления; так, один и тот же день отмечен в царствование Тутмоса III (за 1500 л. до Р. Х.) двумя датами, отстоящими друг от друга ни более, ни менее как на тридцать восемь дней. В нашем календаре такой факт был бы совершенно непонятен и заставил бы предположить наличие какой-нибудь ошибки; но если мы примем во внимание размеры египетского летосчисления, обнимающего сотни и тысячи лет, то перед нами встанет следующее простое объяснение. Раз скорость прецессии ($50,2$ в год) такова, что точка равноденствия обходит окружность нашей орбиты в 25 920 лет, из этого следует, что в триста шестьдесят пятую часть этого периода, т. е. через каждый семьдесят один год, оно настаёт на один день раньше. Поэтому, когда мы говорим, что тот же день (скажем, тридцатое апреля) встречается в двух разных календарях, отстоящих друг от друга на семьдесят с лишком лет, мы подразумеваем под этим, что Земля занимала в эти два дня одно положение относительно точки равноденствия, но не одинаковое положение на орбите и, следовательно, относительно небесной вселенной, ввиду того, что сама точка равноденствия в этот промежуток времени несколько продвинулась по орбите в направлении, противоположном движению земного шара. Если предположить, что, помимо календаря, относящегося, подобно нашему, к равноденствию текущего года, велось ещё второе летосчисление, связанное с равноденствием той эпохи, когда был начат календарь (какое предположение совершенно соответствовало бы египетскому образу мышления и обычаям), — то эта странность получила бы своё объяснение. Ибо если точка равноденствия приходится каждый год несколько раньше относительно орбиты, то архаическая дата будет приходиться несколько позднее. А так как она проходит весь круг года приблизительно в 26 000 лет и возвращается снова к первой начальной точке, то через 2650 лет архаическая дата приходилась на тридцать семь или тридцать восемь дней позже; таким образом, если календарь был основан во

времена Хуфу, то разница между текущим и архаическим счислением в дни Тутмоса III как раз соответствовала разнице между двумя календарями. Такой способ летосчисления являлся тем более приемлемым, что в эпоху основания календаря зимнее равноденствие было, по-видимому, отмечено ориентом другой яркой звезды, хорошо известной египетским астрономам под названием Сах, а именно, нашей Бетельгейзе, – первой звезды в созвездии Ориона; эта звезда и являла, следовательно, неподвижную точку отправления для вычисления движения прецессии. Интересно отметить, что в одной древней египетской рукописи, по имени «Саиан-Синзин», описывающей преобразование души в невидимом мире, в начальном тексте, где мистические события, обуславливающие вхождение Святых Усопших в славу Невидимого Света, изображаются сочетаниями небесных тел, особо упоминается о том же светиле, Сат, занимающем то же самое положение на горизонте.

Сообразуясь с тем же древним счислением, мы можем пролить некоторый свет на особо священный характер, который носили некоторые дни месяца, причём это явление не поддаётся иному объяснению. Например, в Скрижалях Учителя, о которых уже столько раз упоминалось, и папирус коих принадлежит, вероятно, третьему циклу, не менее трёх раз приказывается, чтобы самое важное торжество в году – рождение Озириса – праздновалось на пятнадцатый день месяца, и два раза – на шестой день. Рождение Озириса было первым праздником в дни связанного промежутка; какое же отношение могло вообще такое празднество иметь к тому или иному дню какого-нибудь месяца? Отношение это было очень близкое, если принять во внимание древнее счисление. Ибо в начале второго цикла древнейшая дата рождения Озириса приходилась на двадцать один день позднее даты первоначальной эпохи; памятуя о шести днях священного промежутка в Великом Году, мы и получаем пятнадцатый день первого месяца года, тогда как подобное же вычисление относительно третьего цикла даёт в результате шестой день второго месяца. По той же причине другое большое торжество – праздник ладьи Ра – праздновалось в день рождения Озириса, ввиду того, что этот день совпадал с разливом священного Нила и началом новой жизни.

Мы увидим ниже, что этот именно принцип лежит, главным образом, в основе плана знаменитого храма Хатхор, матери Горуса, отражавшего для египтян божественную красу звёздной Вселенной.

Глава VI Храм Матери-Девы

В четырёхстах милях от вершины Дельты, вверх по течению Нила, лежит город Анну, или Дендера, где находился храм, посвящённый богине Хатхор, отождествляемой в священных летописях храма с Изидой, Царицей Небесной, древнейшим и наиболее почётным наименованием которой являлся титул Матери-Девы. Это последнее название носит на себе следы первоначального своего значения, будучи искажением слова Та М Та Пер [16], или Положение Орбиты. Это имя приобретает особенное значение и проливает немалый свет на титул «Владыка Орбиты», присвоенный фараоном, если принять во внимание тот факт, что длина реки в своём течении через Верхний Египет составляет ровно одну миллионную часть орбиты Земли⁸ и что Дендера отстоит на два с небольшим градуса от границы тропиков, где план нашей орбиты пересекает Нил. Летописные памятники не оставляют никакого сомнения в том, что план этого храма чрезвычайно древнего происхождения. Весьма вероятно даже, что это сооружение в настоящем его виде принадлежит сравнительно поздней эпохе, причём некоторые авторитеты утверждают, что оно было закончено уже после наступления христианской эры. Но относительно древности оригинального строения не может быть двух мнений. Ибо религиозные церемонии, изображённые на стенах, принадлежат очень древнему периоду, тогда как надписи повествуют о том, что Тутмос III (более чем за 1500 лет до Р. Х.) повелел перестроить храм согласно древнему плану; из этого явствует, что уже в то время этот план считался происходящим из тьмы веков. Далее те же надписи говорят, что первоначальный храм был возведён фараоном шестой Династии Пепи, царствовавшим за девятнадцать столетий до Тутмоса, и что даже эта дата не являлась ещё самой отдалённой эпохой, до которой восходит история храма. План, благоговейно выполненный фараоном Пепи, не зародился в его уме, а был вынесен им на свет из подземелья или потаённого покоя; он был начертан «священными письменами», гласит надпись, самим Хуфу, фараоном-астрономом четвёртой Династии, и зарыт им в данном месте за восемьсот лет до времён фараона Пепи.

⁸ Считая радиус земной орбиты (или, другими словами, расстояние от Солнца) от 92,5 до 93 миллионов миль.

Общее построение и расположение этого храма, посвящённого Великой Матери, по-видимому, имело целью изобразить собой звёздную Вселенную, царицей коей она была. Так, при изучении положения храма в свете принципов, изложенных в предыдущей главе, с большой ясностью выступает принцип прецессии.

Раз его местоположение примыкает к границе тропиков, где план нашей орбиты (или, что то же самое, эклиптики) проходит перпендикулярно вверх через поверхность Земли, то Солнце в половине лета должно стоять почти в зените того места. Следовательно, если бы наблюдатель стал в Дендере лицом к северу, подобно тому как, по свидетельству храмовых летописей, стоял основатель храма, когда он в срединную летнюю ночь заложил его краеугольный камень, то непосредственно впереди его поднимался бы план нашей орбиты, когда как полюс эклиптики лежал бы у его ног на крайней грани небесного горизонта. Небесная же ось описывает прецессионный круг вокруг этого полюса эклиптики (приблизительно в 25 920 лет).

Поэтому, подобно строителю храма и длинному ряду первосвященников, становившихся из года в год и из поколения в поколение на это место для празднования главного торжества храма, звёзды в своём еженощном обращении вокруг оси этого горизонта чертили тот же круг, как и в более величавом движении прецессии; тогда как постепенные изменения во времени их восхода и заката, по мере прохождения веков, отмечали вековые часы (каждый из которых охватывал тысячи лет), одного оборота оси, т. е. огромного прецессионного дня. Существенное место, занимаемое этим соотношением в планировке храма, выясняется из того значения, которое придаётся в надписи полюсу эклиптики, или Поворотной точке (по-египетски Акх) Кругов Света, как он в ней именуется; точно так же и другая часть летописи придаёт особенный вес этой центральной точке.

«Он созерцал Акх, как Акх, пребывающий в небесах Хатхор, Владычицы Анну», – повествуют летописи о строителе храма. Другими словами, он видел в полюсе земной орбиты поворотную точку, вокруг которой вращались небеса в часы его полночного бдения, совершенно так же, как они вращаются вокруг неё перед глазами наблюдателя, стоящего на том же месте в современное нам время.

Другая иллюстрация, или, скорее, приложение того же принципа выясняется из сравнения храма и Великой Пирамиды – этих

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

двух таинственных памятников-близнецов, обязанных своим существованием тому же древнему астроному Хуфу; причём один из них был сооружён им самим; другой же был лишь задуман им, и чертеж его оставлен преемникам для осуществления через восемьсот лет.

Полярная звезда, положение которой определялось, как мы видели выше, входом в Великую Пирамиду, находилась на $26^{\circ}7'$ над горизонтом этого здания, а $26^{\circ}7'$ является широтой Дендеры, то есть расстоянием, отделяющим её по меридиану от экватора. Но в данном положении истинное расстояние звезды от полюса было $3^{\circ}53'$, а $3^{\circ}53'$ составляет расстояние по меридиану между Дендерой и Великой Пирамидой.

Таким образом, в то время как небесное отношение между звездой и горизонтом Великой Пирамиды измеряет земное расстояние между экватором и храмом небес, земное отношение между храмом и Пирамидой выражает небесное соотношение между звездой и небесным полюсом. Кроме того, то же самое соотношение указывает на своеобразную связь между положением звезды и сооружением храма. Звезда занимала указанное положение приблизительно в 3440 г. до Р. Х., то есть не в эпоху Хуфу, а во времена Пепи. Следовательно, через восемь веков после эпохи, когда Хуфу втайне чертил небесный план вселенского храма, его царственный преемник, Пепи, сам носивший титул Великого Мастера (Секхем Ур), усмотрел признак наступления времени выполнения этого плана в том, что звезда, обозначавшая собой небесный полюс, осветила тёмную массу Пирамиды, и он увидел точку, «сиявшую в великом доме бдения», как сказано в другой части надписи.

До наступления этого часа великий зодчий скрывал чертёж вселенского храма; когда же исполнились предопределённые времена, Великий Мастер возвёл здание на месте, отмеренном звездой и полюсом небес.

Из того же измерения вытекает другое соотношение, иллюстрирующее одновременно связь храма с прецессионным движением и смысл некоторых выражений в храмовых летописях. Эта мера ($3^{\circ}53'$) представляет с точностью до нескольких секунд шестую часть расстояния между экватором и эклиптической и делит его на шесть одинаковых частей по обе стороны экватора. Это и составляет пространство, по которому, в силу действия прецессии, небесная сфера передвигается то на север, то на юг в течение всего этого огромного цикла. Отсюда и выясняется смысл необыкновен-

но прекрасного образа, содержащегося в летописях, именующих этот храм «местом небесной пляски на шести высотах Озириса»; этими словами описывается космически величавое движение звёздных сонмов через шесть высот тропического неба, когда они, то наступая, то отступая, сплетают вечные свои измерения под водительством звезды, отмечающей полюс небес.

Повсюду в храме рассеяны такие же указания на строение неба. По одной стороне огромной входной залы, или Кхент, стены покрыты изображениями четырнадцати восходов Луны, ведущих к пятнадцатому восхождению на престол Тота, Владыки летосчисления, и соответствующих количеству дней между новой и полной Луной. На противоположной стороне изображены восемнадцать лодок, каждая из них, ведомая солнечным змеем или спиралью, изображающей восемнадцать декад, составлявших половину орбиты, как мы видели выше. Посреди того же входного зала высятся восемнадцать громадных колонн, разделённых на три ряда, по шесть колонн в каждом, соответствующих числу десятков дней. На эти колонны в Обители Горуса и на закладку здания в полночь, по видимому, и ссылается папирус Ани, повествуя о «ночи закладки колонн Горуса и о соделании его наследником вещей, принадлежавших отцу его». Опять-таки в «Скрижалях Учителя» мы читаем, что Горус сам повелел: «Да стоят столбы здесь», – то есть в его собственной Обители.

В центре здания находится зал Алтаря с дверьми, открывающимися на восток и на запад; а за ним лежит большой зал храма, именуемый «Залом Младенца в его колыбели», откуда ведёт ход в тайный и запечатанный алтарь, куда первосвященник входил лишь один раз в год в срединную летнюю ночь. Из этого святилища в ту ночь образ Божьей Матери выносился вверх по потаённой лестнице на открытую площадку на крыше для общения с её божественным отцом Ра. На стенах изображена фигура Девы Матери с лучами божественной славы, исходящими из середины её чрева, поразительно напоминая собой видение пророка Иезекииля. А он видел как «великое облако шло с севера и клубящийся огонь и сияние вокруг него, а из середины – как бы свет пламени». Иначе говоря, это было видение святой Матери, сохранившей Свою девственную чистоту прозрачной, как свет пламени, в огненном Своём бракосочетании и окружённую великим облаком звёздных сонмов в то время, как Она шла из Назарета на севере Святой Земли к месту рождения Сына, неся Вечную Славу в лоне Своём.

Но из всех астрономических особенностей, иллюстрированных этим интересным памятником, наиболее замечательной является знаменитый потолочный камень, целиком перенесённый в начале XIX столетия из Дендерского Храма в Париж, где он составлял предмет самых оживлённых и долгих прений среди учёных, и где его можно видеть и до сего дня. Трудно передать содержание этого изображения, но внешний его вид можно описать следующим образом. Представьте себе заднюю ногу пантеры, вырезанную квадратом, причём пятна заполнены священными символами, звёздами и фигурами, расположенными в виде спирали, начинающейся из центра и постепенно расширяющейся в круг, обведённый квадратной каймой; это даст представление о форме картины. В пространстве между кругом и квадратной каймой на каждой из четырёх главных точек изображён в двояком виде божественный Горус, дитя Царицы Звёздной Вселенной, Хатхор, которой посвящён был храм. Оба изображения, совершенно тождественные, стоят друг против друга на каждой из четырёх точек орбиты, представляя собой, таким образом, уравнение света и тьмы по всей Земле во время обоих равноденствий и на полюсах в каждой половине года. Посередине, между каждой четвертью, стоит фигура Святой Матери в виде Нут, Небесной владычицы вод и ниспосылаемых с неба дождей, питавших их животворящую реку. Всё это окружено иероглифической надписью, начертанной вдоль всей каймы.

Этому изображению, чрезвычайно неправильно именуемому *Зодиаком*, учёные дают более верное название **планисферы**. Астрономически говоря, оно изображает общий вид небес, вращавшихся перед взором монарха в тот час, когда он стоял лицом к северу в ночь закладки храма; вместе с тем, изучение мистических фигур и символов, начертанных на нём, выясняет их близкую связь с небесным путём святых усопших.

Несмотря на свою многочисленность, все они встречаются в виньетках и иллюстрациях текста священного папируса; и в особенности в «Скрижалях Учителя», этом наиболее ревниво охраняемом папирусе, в котором Божественная Мудрость подробно описывает путь святых усопших после вхождения их в свет. Словом, эта картина даёт изображение небосклона в том виде, в каком он представляется, если на него смотреть из обители Матери-Девы, само имя которой Хат-Хор указывает, что она сама была Обителью воплощённого Горуса; тогда как мистические символы, изображающие звёздные группы, представляют высшие силы и духов, кото-

рых святой усопший встречал, согласно вере египтян, на пути своего восхождения от плана земли к огненному престолу Ра.

Нетрудно сравнить покои этого здания с различными частями планисферы и через них с небесными созвездиями. Как и в других больших храмах, разные залы и покои в храме Хатхор носили каждый своё название, а иногда и несколько наименований, имевших по большей части отношение к тайнам Света и божественного Рождения. Одна из зал называлась Залой Золотых Лучей. Золотая Горница, Горница Фимиама, Горница Рождения, Алтарь, Обитель Единого Золотого, Горница Пламени и Тронный зал Ра – таковы иероглифические названия, присвоенные разным частям храма. Ввиду того, что планисфера содержит иероглифы, указывающие на северную и южную точки, мы можем установить связь между частями картины и частями храма и таким образом выявить поразительное соответствие между отдельными частями надписи и названиями горниц и зал, занимающих, соответственно, те же положения. Начиная с северного входа, ведущего в Залу Золотых Лучей, мы читаем: «Глава Кругов Анну» (или Дендеры), «Гор – вход в Золотые Небеса». Против обеих дверей: одной – в направлении восходящего, другой – в направлении заходящего Солнца, мы видим иероглиф (Кхут Су), означающий: «Горизонт Света». В Горнице Фимиама мы читаем: «Храмина Святого Поклонения» (Туат), «Храмина Превысшего Света» (Тес-Су). В Горнице рождения упоминается о «Главе Пестуны Ра, Месте Сборища области Богов». Далее в Горнице Пламени мы читаем о «Небесном Пламени Пылающего Злата», а в Золотом Покое о «Золотых Небесах Изиды». Подобно тому, как главной залой в храме была Зала Младенца в колыбели, так главной фигурой на планисфере была Св. Мать с божественным Младенцем на руках. Представьте теперь себе монарха, стоявшего лицом к северу, наблюдавшего от полночи до полночи и проектировавшего на своде небес этот священный чертёж. Каждая часть неба перед ним была разделена на группы звёзд или созвездий, отвечавших священным изображениям на планисфере и, следовательно, и тем горницам в храме, которым соответствовали сами эти изображения. Таким образом, всё поле зрения наблюдателя было точно разграничено на ясно очерченные группы или созвездия, имевшие каждая из них свой отличительный символ, причём эти символы могли быть немедленно узнаны теми и только теми, кто понимал самую суть храма и знаком был с его построением. По мере того как возвращалось лето, открывая но-

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

вый египетский год, звёздные сонмы высших небес собирались вокруг «Младенца в своей Колыбели» и торжество звёздной Вселенной праздновалось в храме Божьей Матери Хат-Хор, самой являвшейся «Обителью» Пречистого Света.

Глубоко торжественной должна была быть картина, окружавшая Великого Мастера Пепи в ту знаменательную ночь, когда он, повинувшись звездой данному повелению своего давно усопшего предшественника, стоял, измеряя шар земной. Каждая черта, каждая подробность, каждый орнамент говорит с немим красноречием, которое эхом раздаётся в пространстве и времени. Перед монархом лежал древний манускрипт, начертанный вновь ожившими письменами, вещающими о давно прошедших веках, изображая собой вечную судьбу человека за пределами могилы. В руках он держал царственный «Кхус», масонский символ Древнего Египта. На голове его сиял лучезарный венец Хат-Хор, изображая собой предвечную красу, которой Просветлённый венчается в день бессмертия. Далеко на северном горизонте, на уровне его ног сверкала Полярная звезда, возвещая о приближении давно назначенного часа. Вокруг него в необъятности безбрежного свода горели среди торжественной ночной тишины бесчисленные сонмы бесконечно далёких солнц, напоминая собой божественные слова в «Скрижалях Учителя»: «Я черчу светозарные круги веков; и миллиарды – мера моя». И выходя из тёмных глубин бездны, простиравшейся как безбрежные крылья по обеим сторонам, и высоко взлетая к зениту прозрачного свода, поднимался невидимый для обычного ока, но начертанный в уме астронома план орбиты Земли – божественный план земной человеческой жизни, – окружённый зодиаком, как сияющим поясом драгоценных камней.

Когда же круг завершился, и созвездия расположились на небесном своде сообразно со священным чертежом, фараон подал знак к закладке храма и, устремив взор на северный центр вращавшегося небосклона, повелел протянуть шнур в намеченном за много веков направлении, которое было известно как Великому Мастеру только ему одному.

От этого таинственного храма Святой Матери-Девы, с его святилищем, посвящённым сокровенному рождению, где взаимоотношения между небом и землёю были столь подробно иллюстрированы и вместе с тем столь ревниво сокрыты, перейдём к тщательно замаскированному учению египетских жрецов о вселенском отцовстве сокровенного Бога.

Глава VII Сокровенный Бог

Существует одно слово, которое употребляется не только в особенных случаях, но в каждом богослужении; и не один и не два раза, а после каждой молитвы, являясь составной частью её, как бы её заключением и завершением. Если бы какой-нибудь пришлец стоял за закрытой дверью церкви во время службы, он услышал бы одно беспрестанно повторяющееся слово: «Аминь, аминь, аминь», – таков возглас, который время от времени вырывался бы наружу, несомый голосами хора и молящихся. Этим словом апостол определяет абсолютную природу Божества по сравнению с сотворённой материей. «В Нём всё». Аминь – единственное слово, которое, согласно автору Апокалипсиса, четыре животных произносили перед престолом в ответ на хор вселенской хвалы. Этим же словом св. Иоанн Богослов обращается к Божественному Учителю в конце видения: «Аминь, ей, гряди, Господи Иисусе!». Это наименование Учитель прилагал к себе: «Аминь, говорю вам». Этим же именем древние египтяне называли скрытое Божество – Амен (или Аминь), что по-египетски значит: «Сокровенный Бог».

Не может быть никакого сомнения в том, что существование единого Бога было хорошо известно в древности, по крайней мере, определённого классу людей. У китайцев слово Ти отражало ту же идею, какую мы вкладываем в слово Бог; и присвоение его как титула первыми династиями китайских императоров совершенно совпадает с древним верованием, что монарх является представителем Божества. В индусских священных писаниях сказано, что когда ученики Ману просили у него наставлений в мудрости, составивших впоследствии основу индусского закона, они обращались к нему со следующими словами: «Ты, о владыка, один знаешь смысл (или обряды) и знание, преподанное во всём мироздании Само-сущего (Свами-бху) [17], который непознаваем и неисповедим». А учитель их в своём ответе излагал принципы Единого, несотворённого Бога, Источника Света. «Божество Самосущее, – говорил он, – невидимое, делающее стихии и всё остальное видимым, явил свою созидающую, творческую силу, рассеивая мрак».

Затем в Махабхарате та же доктрина приписывается Вьясе. «В начале был Брахман, без начала, без конца, нерождённый, светозарный, нерушимый, неизменный, вечный, неисповедимый и непознаваемый в Своей полноте». Не менее ясно исповедуют ту же мысль некоторые греческие поэты:

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

«Единый, Самосуший, от которого всё произошло», – гласит один из стихов, приписываемых Орфею.

«Для Бога всё легко, нет ничего невозможного», – пел Линий, принадлежавший той же светлой плеяде. Более полное, но не менее точное описание мы находим у Ксенофана:

«Единый есть Бог, величайший среди богов и людей; ни мыслью, ни формой не похожий на смертных; всё видит Он, слышит, всё знает Он и без труда [18] разум Его всем руководит».

Другой поэт, Клеанф, в корне отсекая исключительность, вытекающую из того характерного принципа древнего идолопоклонства, что божество внимает мольбам лишь своих потомков, провозглашает, что все люди – сыны Божии, вследствие чего право на обращение к нему с молитвой принадлежит всем смертным:

«О, Ты, преславный и бессмертный, о многоимённый, о всеильный Зевс, Владыка природы, законом всем управляющий, хвала Тебе, которому все поклоняться вольны, ибо все мы – частицы Тебя».

То же самое говорит и Арат, процитированный в Новом Завете: «Бог есть источник песнопений наших, Бог есть начало всего. Мы также – отпрыски Бога».

Та же идея, хотя и поддающаяся более пантеистическому толкованию, изложена в «Орфике»:

«Бог – первый; и Бог, Владыка грома – последний; Бог – глава; Бог – середина; всё от Бога исходит; Бог – мужское начало и Бог – извечная женственность; Бог – Вседержитель земли и звёздного неба; Бог – дыхание всего, Бог – неослабное горение огня; Бог – корень Океана и Бог – Солнце и Луна. Бог – Сам Царь, Великий Патриарх, единая Сила, единый Владыка, единый Родитель всего, единый Господь, единая форма [19] – основа всех форм. Огонь, Вода, Земля и Воздух, и День, и Ночь, и Мудрость Первородная, и Любовь неисчерпаемая; всё имеет бытие своё в Божестве необъятном.

Даже римские очи, как слепы они ни были к невидимому миру, всё же видели проблеск этой истины, выраженной Горацием в стихах о Высшем Божестве: «От которого не родилось никого превыше Его, и равного и второго коему нет никого».

Но истины, блещущие там и сям в учениях Индии, Китая или Греции, меркнут и исчезают при ярком свете египетской теософии. Возьмём, например, следующий отрывок, заимствованный Баджем из гимна Амону-Ра, Сокровенному Божеству, Самосущему Свету:

«Хвала Тебе, Ра, Владыка Закона, имеющему скрытый алтарь; Учитель Богов, Бог Кхепер-Ра (Самосуший Свет) в своей ладе; Словом, высланным Им, боги к бытию пробудились. Хвала, Бог Атму (Свет), смертных Создатель. Как ни бесчисленны их лики, Он всем им жизнь даёт; Он различными делает цвет одного человека от цвета другого. Он внимлет мольбам угнетённых; Он милосерд к взывающему к нему; Он освобождает робкого от властного; Он Судья между сильным и слабым.

О, Форма, Единый создатель всего. О, Единый, Создатель Единый всех жизней. Люди изошли из двух Его очей, боги словами уст Его были вызваны к бытию. Он создаёт зелёную траву для питания скота и жезл жизни для человека. Он рыбу поселяет в реке, а в небе крылатую птицу. Он даёт дыхание жизни зародышу в яйце; Он жизнь даёт птицам всех родов, а также гадам ползущим и летающим; Он велит крысам жить в норах, а птицам на зелёных ветвях. Хвала Тебе, Создателю всего, Единому Тебе».

Это учение являлось единственной истиной о Боге, известной египетским жрецам. На протяжении всего египетского владычества в Фивах, в Омбосе, в Дендерах (Анну или Оне) в Мемфисе они поклонялись Троичному Богу (о котором некоторое представление, по-видимому, проникло в Грецию), носившему много наименований, но неизменно состоявшему из трёх Лиц, единосущных и совечных. «Я есть Тум утром, – говорит Создатель в одном известном стихе, – Ра – в полдень и Хармаки – в вечернюю пору». Иными словами, подобно тому, как заря, полдень и закат являются тремя отдельными фазисами, извечно и одновременно существующими в субстанции Солнца, так и три божественных Лица вечно и равно существуют в субстанции Несотворённого Света. Таким образом, провозгласив священное единство самым определённым образом, вышеупомянутый гимн далее обращается к трём лицам, употребляя, однако, местоимение единственного числа для этих коллективных трёх.

«Он много имеет форм, – гласит гимн. – О, Амен, устроитель всего, Атум и Хармаки, все люди поклоняются Тебе, ибо Ты пребываешь среди нас, хвала Тебе, ибо Ты нас создал. Всякая Тварь поёт: хвала Тебе, и все страны воспевают Тебя. С высоты небес до глубины морей всё хвалит Тебя».

Подобно тому, как вся совокупность египетских храмов являет при ближайшем их изучении определённую и координированную систему, основанную на астрономических соотношениях, так и религия Египта, будучи рассматриваема с точки зрения вселенского

отцовства, раскрывает величественное единство [20], достойное её неподражаемых храмов. Если бы дело обстояло иначе, если бы объекты египетской религии являли, в самом деле, лишь нагромождение местных божеств, ничем не связанных между собою, то неизбежно каждая последовательная династия, исходя то из Мемфиса, то из Фив или Саиса, вырывала бы с корнем религию, установленную её предшественниками, тем более что ересь наказывалась в то время отлучением от храма и даже сожжением на костре, по свидетельству Масперо; и форма правления в Египте была чисто теократической, ввиду того, что власть фараона опиралась не только на его происхождение от Ра, но и от личного его слияния с Ним. В силу этого анналы Египта были бы испещрены религиозными раздорами и смутами наподобие истории английских Тюдоров.

Если бы учение о Божественной Троице являлось единственной тайной Ритуала, то разгадка его символов не представлялась бы столь затруднительной. Но за нею лежит ещё более глубокая тайна – тайна тем более непроницаемая, что проявляется в видимой форме. Во всех египетских священных писаниях чаще всего упоминается учение о божественном рождении. «Я – твоя кормилица, твоя пестунья», – говорит Изиды божественному Горусу в надписи на гробнице царицы, носившей имя Анх Нес Ра Нефер Аб (или «Её жизнь есть священное сердце Ра»). Фигура, изображённая на этой гробнице двадцать шесть веков тому назад и покоящаяся теперь в Британском музее, с её священными печатями на сокровенных частях тела, с её надрезом на чреве и лучами, осеняющими голову, безошибочно свидетельствует о рождении от Матери-Девы под сенью надзвёздного света. Нигде это божественное рождение не выражено так ярко, как в храме богини Хатхор, главная зала которого вещает о Св. Младенце в своей колыбели, окружённом многочисленным небесным воинством.

Однако в Ритуале мы читаем не только о воплощённом, но и о страждущем и умирающем Боге. Мы видим слёзы Изиды и муки Озириса. К тому же двойственный характер одного и того же священного лица в качестве человека и Бога не только признаётся, но и воплощается в животном символизме, подобно тому, как у христиан агнец символизирует Божественное лицо, а лев, телец и орёл – евангелистов [21]. Возьмём, например, виньетку Ритуала, изображающую воскресение Озириса в присутствии египетской Троицы. Человеческая форма, как высшая в природе, выражала высшую

триаду; для изображения же низшей природы или божественного человечества служило более низкое создание, своими характерными чертами символизировавшее данное священное лицо. Таким животным являлась кошка, глаза которой, меняясь, как Солнце в разные периоды дня, выражали для египтян великолепие света. В силу этого мы и видим, что кошка отсекает голову змея тьмы в присутствии священной Триады. Когда же первоначальное значение этого символа было утрачено, т. е. когда знание Бога отлетело от их науки, ритуал естественным образом выродился в нелепое поклонение животным.

Не менее глубоко было отношение между Творцом и его созданиями, выраженное в общеизвестном символе сотворённой жизни, именуемом Анкх, или священным зеркалом, в котором каждое божество созерцает своё изображение, но которое редко держит рука иная, чем десница Амена.

Но почему же зеркало изображает Вселенную, и почему божественные силы созерцают себя отражёнными в нём? Египет даёт лишь символ, не вручая нам ключа к его разгадке; но в виду того, что это глубокое соотношение остаётся нерушимым в течение веков, обратимся за разъяснением его к великому учителю средневековой философии. Согласно учению Фомы Аквинского, Вселенная существует в двояком виде: во-первых – идеально, в Разуме Божием, во-вторых – материально, вне Его, в силу чего Всемогущий созерцает свой разум в творении как в зеркале [22]. Драматург, прежде чем дать живое выражение действующим лицам, сперва создаёт в своём уме их внешний облик, их поступки, страсти и условия жизни во всех подробностях; в силу этого его произведение является отражением его ума. Точно так, согласно египетской теософии, весь космос, обнимающий всё пространство, все времена и все разряды созданного, сотворённого бытия, отражает единую мысль в уме Создателя. Поэтому и человек имел двойника [23], или образ в божественной идее, в священном *нумене*, торжество которого празднуется в Ритуале, и который считался настолько священным, что сам монарх изображался приносящим жертву своему двойнику.

Таким образом, в египетской теософии божественные соотношения в невидимом творении символизировались посредством соотношений их видимых отражений. Точно такое же отношение материального мира к нематериальному лежит в основе и наших научных концепций, где выраженная форма является всегда отра-

жением вложенной в неё силы. Математик не может определять природу силы иначе, как, сказав, что она есть нечто, что приводит материю в движение. Но если сила есть то, что приводит в движение материю, она не может быть сама материальной, если верен основной закон движения, то материя в состоянии покоя без вмешательства импульса так в покое и остается. Поэтому, если вся динамика не является неправильной с начала до конца, то движение материальной Вселенной (а Ритуал постоянно говорит именно о движении небесных тел, а не об их существовании) должно быть результатом нематериальной силы, запечатлевающей себя в материальном мире, причём мысль Создателя придаёт форму своему созданию. В понимании этого действия полнее всего выявляется величайший дар человеческого ума, творческая сила гения; ибо гений есть способность давать выражение неисчерпаемым формам творчества, потенциально существующим в уме Создателя.

Наиболее мощной и наиболее сокровенной из всех динамических сил является та страсть, которая становится тем более сдержанной, чем она глубже, страсть, владеющая одновременно и внешними чувствами и духом – извечная тайна любви. Но и Любовь была в те времена не что иное, как сокровенный Бог. В Греции, куда некоторые лучи египетской мудрости проникли с яркостью, неведомой более отдалённым странам, это было небезызвестно [24]. Любовь была третьим лицом в Троице Гесиода. У Парменида мы читаем, что борьба проникла в самые глубокие места, но «в центре Любовь стоит безмятежная». В египетском учении любовь Создателя, столь ярко выраженная в вышеприведённом чудесном гимне, является движущей силой Вселенной.

«Я есмь Половодье, – говорит Создатель в ритуале, – полнота потока жизни. Я есмь Источник радости, неисчерпаемый источник блаженства для души». Чрезвычайно замечательна также ссылка на Амена, встречающаяся в другом гимне, в котором упоминается о венце просветления или об «Атфе», венце монархов, сделанном по образцу Зодиакального света, венчающего иногда небеса до наступления летней зари. Этот венец, как мы узнаём из Ритуала, возлагался на голову Просветлённого по завершении им «Прохождения Солнца», и гимн гласит, что «на севере и на юге от этого венца пребывает любовь». Этой любви и учил Сокровенный свиток тех, кто жаждал приобщиться к египетской мудрости, и в тайны её их посвящал Учитель Сокровенного Дома.

Глава VIII Тайная Скрижаль

«Эта скрижаль составляет величайшую из Тайн. Не позволяй постороннему взгляду упасть на неё. Это было бы кощунством. *Скрижали (книги) Учителя Сокровенного Дома* – имя ей». Так вещают многозначительные слова, заключающиеся в великом папирусе, о котором мы столь часто упоминали, и всё содержание его согласно с этим утверждением, ибо нет в нём ни одного параграфа, который не был бы тщательно затемнён и лишь с трудом поддавался толкованию. Но, несмотря на сложность сюжета и формы, мы всё же находим в нём, по крайней мере, до известной степени, ключ к проникновению в мистическое учение египетских жрецов, т. е. в доктрину, которую они преподавали не только относительно природы Творца и Его первичной связи с созданием, но и относительно средств, при помощи которых создание допускается к участию в тайнах Творца.

Данный папирус, найденный в гробнице одного жреца по имени Ауф Анкх, хранится теперь в Турине. В 1842 г. Лепсиус издал факсимиле с него. Этот учёный-египтолог счёл нужным назвать его *«Книгой Мёртвых»*, наименование это стало настолько общеизвестным, что его, пожалуй, трудно и изменить в настоящее время; но оно само по себе, безусловно, неудачно, так как оно даёт представление о святых усопших как о мёртвых, между тем как вся концепция доктрины покоится на учении о Жизни и Свете. Гораздо лучшее наименование было дано ему Шамполионом, назвавшим его *Погребальным ритуалом*, и хотя Бадж энергично оспаривает это заглавие, его возражения отличаются большей горячностью, чем убедительностью. Но ясно, однако, что ни то, ни другое заглавие не может сравниться по авторитетности с тем, которое сам папирус оставляет за собой, а именно: *Книга*, или *Свиток Учителя Сокровенного Дома*.

Вся история священных писаний, среди коих этот папирус является, пожалуй, наиболее важным из числа уже найденных, ни в коем случае не свободна от разных трудностей. Они состоят из большого числа глав, составленных в разные периоды, распространяющиеся на несколько столетий; иногда они высечены на стенах гробниц, но чаще всего они написаны на папирусе и спрятаны в погребальных пеленах мумий. Часто приводится лишь одна глава, но иногда – значительное число их, хотя не было еще найде-

но ни одного папируса, который содержал бы всю серию глав. Эти священные писания делятся обыкновенно египтологами на четыре коллекции, сообразно с различными периодами, к которым они принадлежат. Первая из них относится к коллекции древней империи, написанной иероглифами; в нее входит важная надпись на гробнице Амаму. За нею следует Фивская коллекция, тоже начертанная иероглифами, папирусы которой были с большим трудом собраны и изданы Навиллем; за нею идёт созданная в течение следующей (Двадцатой) династии третья коллекция, начертанная иератическими, или жреческими письменами. Затем мы имеем коллекцию (Двадцать Шестой) Сэтской династии, к которой принадлежат Скрижали Учителя.

Во всяком случае, в течение позднейших веков почти несомненно папирусы изготовлялись для продажи, имея пробелы для внесения имён мумий, которые заполнялись перед тем, как тело полагалось в гроб. Но из этого не следует, что таков был обычай в более ранние века, и малое количество надписей на гробницах той эпохи опровергает эту возможность. Точно так же вряд ли все главы Ритуала были доступны каждому покупателю. Наоборот, весьма возможно, что подобно тому, как весь Египет изображал различные стадии на пути усопшего, так и главы, употребляемые в различных местностях, различались в порядке и даже отчасти в формулировке. Это последнее предположение объясняет и различия в тексте, встречающиеся в особенности в Скрижалях Учителя; они свидетельствуют не о невежестве или равнодушии жрецов (как мы склонны предполагать со свойственным нам легкомыслием), а о существовании собрания текстов, из которых выбирались те или другие сообразно обстоятельствам. К тому же из некоторых намёков в писании мы видим, что действенность их стояла в связи со знакомством с ними усопшего ещё при жизни, и что, следовательно, папирус свидетельствовал о степени осведомлённости усопшего в мудрости в момент его смерти. Учения эти преподавались для того, чтобы усопший соединился с Озирисом, Творцом, в силу чего мы и видим, что титул Озириса предпосылался в папирусе имени усопшего, подобно тому, как мы именуем святыми тех, кто сияет как свет и как звёзды во веки веков. И что опять-таки совпадает с указанием, данным в Скрижалях Учителя относительно того, что чтение должно начинаться в день погребения, и объясняет ту особенность, что главы нередко начинаются словами: «Говорит Ози-

рис-Ауф-Анкх»; под этим подразумевается, что весь Ритуал как бы читался самим усопшим через уста жреца.

Главное затруднение в понимании этой тайной книги коренится не только в большом многообразии образов, но в ещё большей мере в сложности их применения. Фигуры, изображающие разного рода обыденные предметы, редко или никогда не появляются отдельно, представляя определённый образ, который дал бы ключ к его разгадке, но всегда вместе соединены части двух или трёх фигур, скрывающих в себе смысл, понятный только посвящённым. Так, например, святой усопший именуется Озирисом, Быком Запада, что означает: «Сильный в небесах»; здесь подразумевается, что слияние с Озирисом уже началось и образ этот взят частью от производительной силы быка и частью от заката Солнца, которое заходит на западе с тем, чтобы осветить невидимый мир [25]. Иногда образ данной доктрины изображается иначе. Так, проф. Ренуф показал, что частичное затмение Солнца, вызванное прохождением другой планеты впереди его, изображалось египтянами в виде черепахи, ползущей через диск, и тот же образ черепахи изображает в папирусе частичное затмение божества Озириса вследствие его *временной смерти*.

Среди различных образов есть, однако, один разряд их, который в этом папирусе встречается наиболее часто; чаще него встречается только образ света; это образ, относящийся к той или другой архитектурной форме. К этому классу принадлежат торжества «Северного коридора» или «Южного прохода», «Озириса, обитающего в осененном крышей Доме» или «в пруду Большого Дома». Так мы читаем о торжестве Открытия Дверей, тесно связанном с ритуалом воскресения Озириса из гроба. Весь путь усопшего совершается как будто в каком-то доме. Ритуал полон намёков на его выходы и входы, «на возвращение после выхода», на прохождение через ворота, и двери, и лестницы. И хотя, несомненно, упомянутые в нём сокровенные места имеют также мистическое значение и относятся к тем тайным местам во Вселенной, где, согласно египетским верованиям, человек, освободившись от плоти, посвящается в тайны создания, всё же в силу того, что эта доктрина должна была быть усвоена ещё на земле, необходимо было, чтобы на земле существовал дом, где эти потаённые места были бы изображены. И где же нам искать такое здание, как не в том Великом Доме, где, согласно египетскому преданию, сокровенная мудрость преподавалась кандидату; в том доме, хозяином которого считался Учи-

тель Сокровенного Свитка; в том доме, каждая черта, каждое соотношение которого говорило об измерении Вселенной?

К тому же последовательность глав была, как утверждают, установлена впервые во времена Сэтской династии. Каким же каноном или образцом последовательности руководились редакторы? Безусловно, не сравнительно древностью глав, так как единственная из них, которая восходит к Первой династии, значится сто тридцатой в папирусе, тогда как та глава, которая приписывается Четвертой династии и озаглавлена: «Вхождение в Свет в одной главе», – точно это была единственная глава, бывшая в употреблении, – является шестьдесят четвёртой. Но в то время как рукописные летописи могли подвергаться искажениям и ошибкам, ни течение времени, ни другие изменения не могли иметь влияния на летопись, воздвигнутую из камня за три тысячи лет до того астрономом Хуфу. И таким образом, ещё в эпоху Двенадцатой династии надпись на гробнице Амаму, погребённого в священном городе Абидосе, гласит, что порядок Ритуала определяется священными местами. *«Ты не отошёл умирающим, ты отошёл живым к Озирису. Теперь ты обрёл слова порядка, тайну сокровенных мест».*

Доктрина, заключающаяся в этих мистических писаниях, представляла не что иное, как описание Пути, по которому шёл праведник после того, как, освободившись от уз плоти, он переходил со ступени на ступень в духовном росте, т. е. Вхождение в Свет, Наставление в Мудрости, Второе рождение Души, Посвящение в Кладезь Жизни, Испытание огнём и Оправдание на суде, пока, наконец, просветившись сокровенной Истиной и украсившись драгоценными камнями бессмертия, он не соединялся неразрывно с Тем, имя коего, как гласит египетский ритуал, есть Свет, Великий Творец.

Сокровенное учение, преподанное в Ритуале письменно, материализуется Сокровенным Домом в его несокрушимой каменной кладке. Путь, воплощённый в этом камне, настолько близко совпадает с Путём усопшего в том виде, в каком он изображается в священных писаниях, что современный путешественник, проникнув в наши дни под эти таинственные своды, может почти шаг за шагом проследить мистическое шествие святого усопшего от могилы и врат смерти до конечного воскресения его из открытого Саркофага.

Глава IX Сокровенный Дом

Трудно вообразить себе контраст более разительный, чем тот, который представляют собою те две формы, в коих сохранилась египетская доктрина. Папирусы непрочны, многочисленны и разнятся в объёме и последовательности. Каменный памятник – уникам, почти нерушимо прочен и стоит не поддающийся никаким изменениям, вопреки покушениям на него времени и человека. Это необычайная глыба камней, наиболее таинственная и величавая, какая когда-либо возведена была рукой человеческой, стоит на самом краю огромной пустыни, раскинувшей свои безводные пространства через всю ширину африканского материка вплоть до берегов Западного океана, как раз на том месте, где кипучая жизнь самой ранней древней цивилизации, известной в истории, граничила с обширной безлюдной равниной. От всех остальных сооружений, составлявших чудеса древнего мира, не осталось и следа. Где висячие сады – гордость вавилонского владыки? Где знаменитый александрийский маяк? Прошли века с тех пор, как землетрясение повергло в прах Колосс, охранявший гавань Родосса; и рука безумца превратила в пепел храм Артемиды, красоты Ефеса. Но великая Гизехская Пирамида всё ещё стоит, несокрушённая и несокрушимая, через много веков после исчезновения меньших чудес, как она стояла за много веков до их появления [26]. Прошло более шестидесяти веков с тех пор, как это сооружение, никогда не нуждавшееся за всё это время в попечении человека, впервые скрыло от глаз свои потаённые места, те тайные покои, подобие которых не содержит ни одно здание на земном шаре, не исключая и позднейших пирамид. Более двух миллионов раз солнце взошло и закатилось над её могучими стенами, с тех пор как чистая и гладкая поверхность полированных камней впервые, подобно ослепительно сверкающему покрову, отразила его лучи, оправдывая своё древнее наименование Свет.

По внешнему своему виду здание, сооружённое фараоном Хуфу, одной лишь особенностью отличается от позднейших пирамид. Подобно им, оно квадратно по форме основания и обращено к четырём главным сторонам компаса. Точно так же, подобно позднейшим пирамидам (не считая очень незначительных отклонений), высота её (как общеизвестно) такова, что высота её относится к окружности основания так же, как радиус круга относится

к его окружности. Как и они, она снаружи сложена из огромных камней, составляющих ряд ступеней высотой от двух до трёх футов; эти ступени теперь открыты взорам, но прежде они были скрыты от основания до вершины безукоризненно пригнанными плитами, не имевшими ни малейшего выступа для восхождения и давшими Мемфису его священное наименование Города Белой Стены. Но тогда как в позднейших пирамидах кладка доведена до самой вершины (или до точки, где сходятся все восходящие линии), в Пирамиде Хуфу она не достигает этой точки рядов на двадцать, так как Пирамида усечена, и вершина её образует платформу около двадцати футов в квадрате, в силу чего на ней нет так называемого египтянами пирамидиона, или Бенбена. Если глядеть снизу, восходящие ряды походят на ряд террас или скал, величественно поднимающихся к безоблачному небу. Но с высоты платформы они скорее напоминают четыре каменных потока, низвергающихся из одного источника, подобно четырём потокам небесного Нила, изображённым на виньетке главы СХ. И все четыре потока вместе как бы окружают всё здание скалистым водопадом, иллюстрируя таким образом «Бурлящий пояс вод», вписанный в ту же виньетку.

Из того факта, что эта черта свойственна лишь Великой Пирамиде, современные учёные вывели заключение, что она имела первоначально ту же форму, как и остальные пирамиды, предполагая, что нынешняя высота её получилась после разгрома, учинённого над ней турками. Но хотя эти дикие громилы действительно казались способными снять каменные плиты, многие из коих ещё лежат в беспорядке у подножия Пирамиды, а другие были увезены для построек в Каир, всё же разрушение твёрдой каменной кладки, прочно скрепленной, более тридцати футов вышины, опирающейся на фундаменты в четыре тысячи квадратных дюймов, притом на высоте более четырёхсот футов от земли, является задачей, для исполнения которой потребовались бы совсем иного рода инженеры. Помимо этого мы имеем и совершенно другую цепь доказательств из трёх разных источников двухтысячелетней давности, восходящих к тому времени, когда разгром Пирамиды ещё не начался. Около двухсот пятидесяти лет тому назад Гревс, оксфордский астроном, посетивший Пирамиду и оставивший очень интересный труд о ней, представил чертёж здания, на котором вершина его имеет ту же форму, что и теперь. За четыреста лет до того, Абдаллатив, историк двенадцатого века, говорит, что Великая Пира-

мида заканчивается платформой наверху. А за пятьдесят лет до христианской эры Диодор, описывая её, утверждает, что «она постепенно суживается кверху и вершина её состоит по каждой стороне из шести каменных блоков».

Не менее убедительно свидетельство самого сооружения, вершина коего не являет никаких следов ни разрушения, ни незаконченности, но представляет плоскую, гладкую поверхность, составляющую крышу Сокровенного Дома. В центре её стоят прочно прикрепленные к ней большие глыбы, расположенные в виде креста. В верхнем же камне проделано некоторое количество отверстий, образующих квадратную фигуру, составленную из семи рядов по семи отверстий в каждом, совершенно тождественную (кроме числа отверстий) с Хотепом, или Жертвенным алтарём, относящимся ко времени Тутмеса III и находящимся теперь в Булакском музее. Словом, каждая деталь показывает, что основатель не имел вовсе намерения воздвигнуть Бенбен – образ Невидимой Троицы в высочайших сферах, – а вместо него поставил Хотеп, или жертвенный алтарь. В согласии с этим мы находим в цитированной выше главе упоминание о Поле Хотепа и о Водах в поле Хотепа, напоминающих нам каменные водопады, ниспадающие с вершины пирамиды.

Единственный вход в Пирамиду, открывающийся в семнадцатом ряду [27], скрыт от глаз наблюдателя, стоящего у самого подножия её. Но, поднявшись на семнадцатую ступень, мы видим двумя ступенями выше низкие ворота, увенчанные двойной аркой и открывающиеся внутрь в тёмную глубину Пирамиды. Точно так же, как оглашенный в пятнадцатой главе подходит к «воротам горизонта с двойной аркой над ними», когда он призывает «Хароэри-са, великого водителя мира, водителя душ в их сокровенных местах, Свет, живущий в горизонте». В этом месте начинается первая завеса тайны. Вход так тщательно скрыт от непосвящённого взора вращающимся камнем, что если забыть его положение, то почти невозможно его найти. И ещё двести лет после варвара Омара здание оставалось непроницаемым до тех пор, пока калиф Аль-Мамун в девятом веке нашей эры не пробил наугад отверстие в камне и случайно не наткнулся как раз на входной коридор.

Войдя через низкие ворота, проделанные в северной стороне на довольно большом расстоянии от земли, мы видим перед собой могилopodobный проход, зияющий вниз в глубь тьмы и указывающий вверх на Полярную звезду – эту пограничную точку смерт-

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

ного зрения, за которой, как у входа в могилу, конечная тайна земли переходит в тайну бесконечного неба.

Проходя через ворота на семнадцатой ступени, мы узнаём точку, где в семнадцатой главе оглашенный принимается в число кандидатов и где он восклицает: «Я иду от Врат Тазера (Восхождения). Что такое Врата Тазера? Это врата, где бог Шу (воздух, пронизанный светом) поднимает диск небес. Врата Северные суть Врата Великого Бога», – продолжает он, подразумевая, очевидно, те же самые врата; точно так же, как в пирамиде единственным входом являются Врата Восхождения в семнадцатом ряду ступеней на северной стороне её.

Простившись теперь вместе с ним со светом земного дня и спускаясь по нисходящему коридору, мы проходим несколько ниже, мимо тонкой и прекрасно начертанной двойной линии, высеченной перпендикулярно на косой стене, указывающей вниз к основанию и отделяющей собой верхнюю часть коридора от нижней; она соответствует тому месту в ритуале, где усопший, дотоле лишённый всех способностей, кроме движения, начинает постепенно получать их обратно.

Продолжая долгое нисхождение, мы приходим к отверстию в западной стене и, проникнув через него, поднимаемся в своего рода грот, находящийся на дне колодца, или квадратной перпендикулярной шахты со ступеньками, высеченными в отвесных стенах. В этот «Покой глубоких Волн» кандидат сходит по западной стороне, подобно тому, как в конце дня солнце заходит в западных водах, чтобы засиять во всём своём великолепии в скрытом мире.

Возвратившись со дна колодца в коридор и продолжая путь дальше вниз, мы приходим, пройдя короткое ровное пространство, в подземную комнату или к месту Огненного Испытания, в комнате, высеченную в твёрдой скале; на пол её нельзя ступить, так как он покрыт большими глыбами различной высоты, походящими на пруд из застывшего пламени или на массы горных цепей, образованных действием внутреннего земного огня; за этим страшным покоем небольшой коридор заканчивается тупиком. Продолжая наше изучение Пирамиды, и выйдя на места Огненного Испытания, или подземной комнаты, мы поднимаемся обратно по входному коридору, пока на некотором расстоянии от высеченной линии не приходим к гранитным воротам, или портику, вделанному в потолок. Эти важные ворота, которые первоначально были совершенно закрыты камнями и были обнаружены только благодаря падению

одного камня, в то время как Аль-Мамун пробивал вход в Пирамиду, стоят на пороге двойного зала Восхождения, скрытого за ними. Эти ворота были не только тщательно замаскированы, но нижняя часть коридора была завалена громадными камнями, не удалёнными до сих пор, и которых, пожалуй, нет возможности удалить. Вследствие этого и теперь ещё косяки их закрыты, и пройти можно только через отверстие, силой проделанное в стене коридора над камнями; точно такое же затруднение сопряжено с проходом через Дверь Справедливости в Ритуал перед входом в Двойную Залу Истины.

С трудом проползая через отверстие, мы проникаем в маленький низкий коридор, линия пола которого (около 1561 дюймов во всю длину) несколько выходит за ворота в верхнем конце; весь коридор имеет уклон вверх на высоте, несколько меньшей, чем понижение входного коридора и соответствует нижней части зала Истины, где Посвящённый оправдывается перед невидимыми судьями мира, «Богамы горизонта и Богамы орбиты». Затем, наклонясь под низкими воротами, которыми он заканчивается (но не преграждается), на верхнем конце под Вратами Празднества мы стоим на своего рода площадке, с которой открывается вся система внутреннего коридора. Со всех сторон видны «перекрёстки чистых путей жизни», о которых говорит гробница Амаму. Прямо напротив тянется ровный коридор, ведущий к Покою Царицы Изиды, Богоматери, Владычицы Пирамиды, – как величает её один древний папирус, соответствующий месту, где душа получает второе рождение.

На восточной стене этой комнаты высечена лестница из пяти ступеней, изображающая те пять ступеней, по которым луна восходит каждый месяц, и где, согласно египетскому учению, Озирис, божественный муж Изиды, возобновлял каждый месяц своё рождение. На западной стороне находится отверстие, ведущее в колодец, вниз же по лестнице шахты (как мы видим в папирусе Ани) нисходит возрождённая душа, выйдя из Покоя Вечного Рождения, чтобы вновь соединиться с кандидатом, ожидающим её в Колодце Жизни. А наверху к югу, над потолком коридора, ведущего к Покою Царицы, расположен верхний восходящий коридор, именуемый некоторыми писателями Великой Галереей. Эта замечательная комната состоит из коридора около ста пятидесяти семи футов длины и двадцати футов вышины, построенного целиком наклонно; наклонны пол и стены, и потолок, кроме небольшой части на

южном или верхнем конце. По обеим сторонам покатога пола находятся двадцать восемь рамп с соответствующими им выбоинами; линия пола на верхнем конце внезапно пересекается, как раз над Покоем Царицы, огромным камнем, образующим балдахин, или Престол Суда. От нижнего входа в комнату на северном конце до подножия трона прямой подъём составляет 1816 дюймов, высота трона 36 дюймов, а длина сидения около 61 дюйма, в силу чего, когда темнота озаряется зажженными факелами, он представляет самую заметную и важную особенность этой чудесной комнаты. Позади трона галерея внезапно заканчивается южной стеной, замыкающейся на расстоянии нескольких футов от трона и оставляющей в виде выхода несколько южнее узкий и могилообразный проход. На покатой крыше галереи, наклонённой вверх с севера на юг и имеющей несколько больший наклон, чем пол, находятся *тридцать шесть* перекрытий, подобных набегающим друг на друга волнам света и соответствующих числу десятилетий в орбите египетского года [28]. На боковой стене балдахина на высоком конце галереи также виднеются семь прекрасных перекрытий, находящихся одно на другое, аркой поднимающихся к вершине, как бы изображая орбиты планет. Они составляют как бы лучи света, застывшие в камне вокруг трона. На месте же, соответствующем орбите нашего земного шара, начертана глубокая колея, или орбита во всю её длину, представляя близкое сходство с Орбитой и Происхождением Солнца в Двойном Зале Истины в Ритуале.

Над престолом возвышается жилище Семи Великих духов, служащих Своему Господу, Творцу. Они, согласно священной книге, «охраняют границу Озириса». [29] С самой же высшей точки коридор, к которому нет доступа снизу, – Врата богини Хатхор, как гласит Ритуал, – ведёт к тайным высотам. В этом Зале Велелетия, над которым царит Престол Света, *оправданный* получает своё просветление и посвящение.

Теперь мы подходим к самой таинственной части всего сооружения. Коридор, лишённый всех своих прекрасных пропорций и настолько суженный, что приходится ползти на руках и на коленях, проходит сквозь южную стену верхней галереи и идёт прямо, через сени, или Место Приготовления, в великолепный зал, именуемый Покоем Фараона, находящийся в самой отдалённой части здания. В каждом из этих залов находится лишь по одному предмету. В переднем – нечто вроде каменной завесы, через которую нельзя пройти не наклонив головы, в Покое же Фараона стоит от-

крытый саркофаг; вентиляционные шахты, которыми в изобилии снабжена эта глубоко скрытая комната, свидетельствуют о том, что это помещение не мёртвых, а живых и соответствует тому месту погребения в последней главе ритуала, где Озирис пробуждается ото сна. В этой части здания известняк заменён гранитом, образуя как бы отдельный зал внутри пирамиды, – внутренний дом в доме Озириса, в который можно проникнуть лишь через низкий могилообразный коридор, открывающийся позади престола. Это Дом Славы, изображённый на упомянутой выше гробнице Амаму; обитель, к которой Просветлённый приближается, пройдя через суд Озириса. Тут же находятся Врата чистых духов, через которые могут пройти лишь те, кто омылись водами жизни и облеклись во славу орбиты. Здесь, по-видимому, произносится торжественная проповедь Богов в Дом Озириса, описанная в Саи-ан-Синзине, за которой следует ответ Богов в Дом Славы – радостная песнь святых усопших, стоящих торжествуя перед судилищем, и как эхо повторяемая внутренним хором их возлюбленных, раньше их ушедших в полноту света. Над покоем раскрытой могилы находятся тайные высоты, сокровенные места, к которым ведут Врата богини Хатхор, Богини неувядаемой Красоты. Всё это заканчивается и венчается гигантским гранитным треугольником, недвижимо изображающим божественную египетскую Троицу.

Такова сложная и до сей поры совершенно необъяснённая система ворот и коридоров, шахт, проходов и комнат, находящихся в Пирамиде Света, причём некоторые ведут вверх, другие вниз, иные находятся на ровной плоскости; одни чрезвычайно шероховатые, другие великолепно полированы, иные – величественны в своих размерах, другие – такие низкие, что приходится ползать по ним, или такие узкие, что человек может с трудом лишь пройти. Она абсолютно единственна в своём роде; никакое другое здание – за это можно поручиться (даже среди позднейших пирамид) – не содержит сооружения, хоть в малейшей степени сходного с верхними комнатами. Какова же была цель – тайно и ревниво охраняемая цель, – с которой был возведён этот замечательный памятник? Предположение, что его характерные черты бессмысленны или являются лишь результатом прихоти, безусловно, опровергаются обдуманностью и обилием расчёта, заключающегося в каждой подробности. Нельзя точно так же утверждать, что они служили для целей обыкновенной гробницы. Во-первых, их нет в других пирамидах, служивших для этой цели; и во-вторых, если архитектор и

обнаружил явно какое-нибудь намерение, то это было именно создание целого ряда такого рода препятствий, что человеческое тело никоим образом не могло быть там погребено.

Каков был скрытый смысл этого здания, с какой целью был начертан его сложный план; в какую эпоху это огромное сооружение было возведено – вот вопросы, занимавшие многие умы во многих странах и давшие в результате разногласия, более похожие на Вавилонское столпотворение, чем на торжественность их безмолвного величия.

Только при сравнении этого Тайного Дома с Тайным Свитком его Учителя можем мы понять смысл его тайных мест – причём тьма освещает собой тьму – и тайна раскрывает тайну. И только тогда видим мы, что в этих местах мы обретаем Пароли Тайного Свитка.

Таким образом, определение египетской теософии отходит от туманной области археологических предположений и сводится к сравнению двух существующих и ясно очерченных памятников. С одной стороны – папирус, считающийся тайной скрижалью, принадлежащей Учителю Сокровенного Дома; с другой стороны – Тайный Дом, к которому относится этот свиток и в котором, согласно египетскому преданию, сокровенная мудрость сообщалась кандидату. Этот свиток начинается с Входа в Свет; ибо дом этот был известен под названием Света. Свиток полон ссылок на тайные проходы и комнаты; и Тайный Дом весь составлен из тайных проходов и комнат. Главное место среди комнат, упомянутых в свитке, занимает Двойной Зал Истины; выдающееся место среди комнат в Пирамиде занимает также Двойной Зал. В свитке последняя глава повествует о воскресении тела; и в Доме последняя комната есть покой Раскрытого Саркофага. И в то время как оба памятника тождественны между собой в выражении Истины в Свете, символы, изображающие доктрину, выраженную в ритуале, находятся в соответствии с научной истиной, выраженной в постройке.

Подобный метод запечатления верований жрецов так чужд нашим современным воззрениям, что с первого взгляда он кажется нам почти непонятным. Трудно придумать более устойчивый или более действенный способ сохранения учений этой религии в большей тайне и неприкосновенности, чем воплощение их в скрытой структуре этого здания. К тому же, в силу того, что религия Египта составляла основу, на которой возведена была вся его политическая система, мы имеем в потаённых комнатах Великого

Дома, или Пер-Оо, от которого египетские монархи производили свой титул Фараона, ключ к политико-религиозному строю страны – ключ, который никто не мог перенять, никто не мог изменить, никто не мог уничтожить; который никто не мог понять, не будучи посвящён в его тайну, и никто, раз получивший просветление, не мог ни забыть, ни перепутать.

Замечательно также, что в кладке различных частей этого сооружения мы можем отличить формы многих мистических символов, которыми иерофанты изображали божественные идеи так, чтобы быть понятными лишь тем, кто был посвящён в Тайном Доме. Так, например, если мы изобразим Вход в Свет вместе с формой Врат, у нас получится жезл Анубиса, Водителя Души. Точно так же, если мы изобразим Путь посвящённого от начала Колодца до входа в Покой Огненного Испытания, получится форма жезла Птаха, Духа Божественного Огня. Далее, если мы изобразим рисунок перекрытый-лучей в Верхнем Зале Истины, мы получим изображение Небесного Нила, как он рисуется на виньетках Ритуала, и иероглиф его земного отражения. Опять-таки, если мы нарисуем большой трон в Двойном Зале Истины с центральной линией света, спускающейся вниз, в глубину скалы, на которой он поставлен, мы получим иероглиф, изображающий Божество. И если мы присоединим к этому нижнюю часть здания, или территорию Посвящения, то получится иероглиф территории Святых Усопших.

Воистину, прекрасно соответствует памятник своему священному наименованию Света. Этот Тайный Дом есть Дом Саркофага, но не закрытого, а открытого саркофага. Это могила не человека, а бога; не умершего, а воскресшего. Это гробница божественного Озириса, рождение коего на земле, сошествие в подземный мир, воскресение и суд над мёртвыми являются наиболее выдающимися чертами в египетской религии; в единении с ним святой усопший благополучно проходил перед божественным судом и облакался в славу Света Незримого.

Глава X

Вход в Свет

Свет есть главный принцип сотворённой жизни. Нет жизни без роста; нет роста без света. Цвета, ароматы, вкус, все разнообразные объекты чувств исчезают при отсутствии света. Каждый луч его является особым божественным даром, исходящим непосред-

ственно от руки Создателя, как то изображено на барельефе гробницы в Фивах, на котором расходящиеся лучи образуют пирамиду света и к каждому лучу прикреплена благословляющая рука [30].

Как ни всеобъемлюща необходимость света для живой природы, не менее всеобщее его проявление в форме движения. Наличие жизни – в человеке ли, или в звере, или в птице – неизменно сопряжено со свойством, в котором отказано неодушевлённой природе, – а именно со способностью производить действие. Жить, двигаться и иметь бытие – эти три состояния нераздельно сопряжены друг с другом. И математик и поэт признают всеобщность движения в живых формах. «Движение – источник красоты», – восклицает Пиндар в одной из самых своих возвышенных од. «Вся природа находится в движении», – говорит профессор Прайс в своём трактате о бесконечно малых величинах. Точно так же нерушимая гармония небесных тел выражается в периодах их орбит. И через соотношение этих световых кругов, как через лучезарную завесу, изображали египетские Учителя Небесных тайн сокровенные истины. В безднах за безднами, в далях за далями, в высотах за высотами, от хоровода планет вокруг Солнца до тех мест, где «гроздь бесчисленных звёзд составляют бледное туманное сияние», свет является всюду всемогущим Творцом, и законы света – выражением непреложной истины.

Однако как же ухватить материальной хваткой интеллектуальные отношения наиболее эфирного элемента, известного человеку? Как заключить в устойчивую форму вспышки огненной искры, несущейся с непостижимой быстротой из дали в даль? Как сделать непосредственно осязаемыми далекие пути этих мчащихся шаров? Словом, как воссоздадим мы тайну бездны и материально изобразим проявление света? Сам свет отвечает нам на этот вопрос. Если изобразить, подобно Фивскому барельефу, расходящийся поток лучей изливающимся равномерно во все стороны, то мы получим квадратную в плане форму пирамиды, причём стороны её будут обращены к четырем сторонам света, как в пирамиде Хуфу, «Свет» Египта.

Но и Солнце, и Земля находятся в движении. Земля вечно опоясывает родное светило. Солнце, неся с собой всю планетарную систему, движется всё вперёд несколько более медленным темпом, пробегая в четыре года (большой цикл египетских астрономов) расстояние, почти равное по длине годовичному пути Земли. Мы уже видели (Гл. V), что длина Нила в его течении через Верхний Еги-

пет (от Филэ до Великой Пирамиды) равняется ровно одной миллионной части этой орбиты, и что положение главных храмов иллюстрирует соотношения, которыми определяется эта орбита. Но если, согласно тому же принципу измерения, мы возьмём тысячную часть того же расстояния (или одну миллиардную часть орбиты), мы получим (с точностью до одного или двух ярдов) окружность основания Великой Пирамиды, чем выясняется удивительное соотношение между зданием, рекой и движением Земли, разъясняющее многие намёки в священных писаниях. В силу того, что форма этого основания квадратна, одна линия фундамента будет равняться четверти его, то есть будет равняться одной миллиардной части расстояния, пробегаемого Солнцем в один год.

Опять-таки, если мы возьмём для измерения высоты линию, относящуюся к окружности фундамента, как радиус каждого данного круга относится к своей окружности, то эта высота составит одну миллиардную часть радиуса орбиты Земли, т. е. расстояния до солнца. Таково и есть, как общеизвестно, отношение между основанием и высотой в Великой Пирамиде⁹. Это главное отношение не было единственным в своём роде; оно составляет наиболее выдающуюся и почти единственную характерную черту, которой позднейшие пирамиды обладают наряду с пирамидой Хуфу, являясь, таким образом, признаком, безмолвно свидетельствующим о родстве меньших пирамид с Великим Домом. Этот признак к тому же сам по себе знаменовал свет. Ввиду того, что Солнце посылает свои лучи по прямой линии, тогда как освещаемое им небесное тело описывает круг вокруг него, то иллюстрируемое таким образом отношение между радиусом и орбитой изображает отношение между Просвещающим и просветляемым.

Как же нам воспользоваться этой величавой мерой, этим законом света и образом движения? Более тщательное изучение того же чудесного сооружения подсказывает нам один способ. При рассмотрении основания здания мы видим, что оно состоит из каменных плит, имеющих горизонтальные края, столь безукоризненно отёсанные, что, по словам Флиндерса Петри, они являются тончайшей работой оптика. Когда одна из этих каменных плит была измерена *in situ*, оказалось, что она содержит 25,025 британских дюймов, т. е. ровно девятимиллионную часть полярной оси Земли.

⁹ Особое внимание на это отношение между радиусом и окружностью было обращено Флиндерсом Петри, всецело утверждающим его.

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Эта длина была единицей меры, установленной зодчими первых династий, что подтверждается открытием Флиндерса Петри, нашедшего в Гизе, недалеко от пирамид, два образчика в 25 дюймов¹⁰ (без одной дробной десятой доли), принадлежащих времени Хуфу. Ввиду того, что египтяне, несомненно, были знакомы с десятичной системой, и выражали единицы, десятки, сотни, тысячи и миллионы отдельными иероглифами, этот камень в основании Сокровенного Дома даёт простую и непреложную единицу длины, основанную на непреложном образе вселенского измерения. Если бы это отношение составляло единичный пример, то, естественно, мог бы возникнуть вопрос о случайности такого соотношения; но намерения зодчего ярко подтверждаются родственным открытием, которым мы также обязаны Флиндерсу Петри. Он со свойственной ему тонкой наблюдательностью указал, что длина приподнятой мостовой вокруг здания являлась простой мерой (одной двадцатой) географической мили. А ввиду того, что географическая миля есть мера окружности Земли на экваторе, знание её влечет за собой и вычисление длины полюсной оси.

Помимо этого поразительного отношения, отношение длины камня ко всей основе даёт нам ещё другой вывод, вполне гармонирующий с вселенскими измерениями. Если считать установленной длиной этого основания линию в 9140 дюймов, мы видим, что длина известнякового блока содержится в ней ровно 365,25 раз, что даёт нам число дней священного года; эти простые подробности в значительной мере выявляют, какую мудростью должен был обладать тот ставленник Фараона, который носил титул Пророка Пирамиды. В то время как эти общие отношения между землёй и солнцем достаточны для определения общего вида здания, более тщательное сравнение с действием света обнаруживает ещё более своеобразный принцип в его построении. В силу того, что нашу атмосферу можно себе представить разделённую на несколько слоёв воздуха, каждый луч, по мере того как он пробегает пространство, слегка отклоняется или отражается, переходя из более тонкой среды в более плотную, причём отражение значительнее

¹⁰ Проф. Петри утверждает, что этот двадцатипятидюймовый куб является, «очевидно, египетским изданием царского персидского двадцатипятидюймового куба». Но почему персидский куб должен был быть в употреблении в Гизе, и что нам известно про Персию за несколько тысяч лет до царя Дария, он нам не говорит.

всего, когда Солнце находится на горизонте, и незаметно, когда оно стоит у своего зенита. В соответствии с этим, если наблюдать в какой-нибудь день положение солнца в равные промежутки времени, от восхода до полудня и от полудня до заката, то видимое положение солнца будет, благодаря отражению, всё время отлично от истинного его положения; идеограмма, изображающая их взаимные отношения, представит вид многоэтажного дома, слегка усечённого вверху, в силу того, что около зенита истинное и видимое положения тождественны между собой (и единственным движением является только транзит). И таков именно вид Великой Пирамиды по удалении с неё облицовочных плит.

Измерение движения Земли составляет начало, – но, однако, только начало вселенской шкалы измерений. Для исследования тайны бездн нам нужно не более и не менее, как всё протяжение измеримого пространства. Иными словами, нам следует определить крайние границы с обеих сторон, в пределах которых нет иного источника первичного света, кроме нашего Солнца, так как расстояние звёзд не поддаются точному измерению. Но расстояние до крайней точки измеримого пространства, или, скорее, радиус ограничивающего горизонта (в силу того, что расстояние будет одинаково во всех направлениях) равняется приблизительно двадцати миллиардам миль, или иначе – представляет двадцать пять сотен миллионов раз длину полярной оси Земли. Эта ось, следовательно, содержится в радиусе измеримого пространства двести пятьдесят раз, то есть столько же раз, сколько раз она сама содержит в себе ребро камня. Если разделить этот камень на двадцать пять равных частей, то каждая из этих частей будет в длину разниться от нашего дюйма на тысячную его долю – менее чем на толщину самого тонкого волоса. Следовательно, эта единица, которую мы назовём полярным дюймом, измеряет не только ось Земли, но и глубины солнечного, им измеримого пространства, причём она содержится в первой 250 миллионов раз, а во втором – 250 тысяч миллиардов раз; и в той древней главе ритуала (LXIV), которая относится к Четвёртой Династии, мы читаем, что Создатель, являя себя новорождённой душе как измеритель пространства, употребляет эту именно единицу меры. «Знающий Бездны – имя моё», – гласит текст этой чудесной главы; «Я творю лучезарные циклы годов, и миллиарды – мера моя».

Без сомнения, дюйм, в нашей ли или какой иной форме, не был общеизвестной и признанной египетской мерой. Но упомина-

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

ние об этих лучезарных циклах годов раскрывает нам принцип необычайной красоты и подсказывает применение этой полярной единицы в качестве тайного ключа к архитектурным идеалам Древнего Египта. Среди многих ценных результатов, добытых трудом Флиндерса Петри, есть коллекция кубов различной длины, которые употреблялись в качестве модулей зодчими первых династий. Эти архитектурные единицы очень многочисленны и, если не отнести их к космическим принципам, очень различны и не имеют, по-видимому, ни связи между собой, ни отношения к чему-либо другому. Если же, взяв единицей меры полярный дюйм, мы сравним их с мерою света, как она выражена в небесных периодах (памятуя, что радиусы «лучезарных циклов годов» соответствуют строению пирамиды и вместе с тем иллюстрируют аналогию просветления), мы откроем чрезвычайно удивительное соотношение во всех мерах, правда, не абсолютное, но разнящееся лишь в десятых долях дюйма.

Если мы будем, например, рассматривать цикл равноденствия как круг приблизительно в 25 800 лет, то радиус его будет около 4122 лет; если взять столетие за дюйм, то половина радиуса дает нам хорошо известный куб в 20,6 дюйма. Но эта мера представляет наиболее распространенную форму египетской единицы, употреблявшейся для священного Тата, или *Нилометра*, измерявшего воды жизни; символ, изображавший высшую ступень святости и последнее украшение, возлагавшееся на тело святого усопшего.

Опять-таки, ввиду того, что орбита Земли представляет, собственно говоря, не круг, а эллипс с Солнцем в одном фокусе, то всегда будет одна точка в орбите, которая будет в перигелии, т. е. ближе к Солнцу, чем все остальные. И эта точка не неподвижна, а обходит вокруг орбиты Земли приблизительно в 114 000 лет; половина этого круга даёт нам (по дюйму на 10 000 лет) куб в 57 дюймов эпохи Одиннадцатой Династии. Можно привести ещё другие примеры; тот же принцип бросает точно так же свет на многие змеевидные формы¹¹, упомянутые в Скрижалях Учителя.

¹¹ Достаточно одного примера. Так, знаменитый Урей (Уроборос), или символ змея, сопряжённый с солнечными явлениями, был всегда тесно связан с царским достоинством в Египте. Но, по-видимому, было упущено из виду, что в Ритуале есть несколько змеевидных форм разной длины и, – что удивительно само по себе, но что легко объясняется уже добытыми сведениями, – если выразить эти различные длины в дюймах, они окажутся пропор-

Из этого следует, что если мы возьмём как единицу шкалу, изображающую ось Земли, – единственную непреложную меру пространства, – и отметим на ней ряд таких единиц, пропорциональных неизменным периодам небесных тел, то мы получим таблицу кубов, употреблявшихся зодчими в те давние времена. Таким образом, когда сметён налёт, наброшенный пылью веков на эти реликвии древней науки, они уже теряют свою безжизненность и непривлекательность; мы узнаём в них лучезарные регалии вселенской истины, жемчужины лазурных глубин, сияющие блеском вечного света.

Если мы обратимся теперь к самому Тайному Дому, Учителю которого принадлежал тайный папирус, то мы увидим, что тот же самый принцип царит во всём внутреннем строении здания; размеры его разнообразных коридоров и покоев, будучи выраженными в полярных дюймах (или двадцатипятимиллионных долях полярной оси), окажутся пропорциональными радиусам небесных периодов, соответствующих каждый из них стадиям на пути усопшего. И так определённо выражено преобладание этого принципа, что знакомство с этими измерениями, как бы точно оно ни было, не раскрывает их духовного смысла, всё же понимание координации здания с ритуалом позволяет нам определить пропорции многих его частей. Например: если взять цикл равноденствия, то его радиус в 4122 года даёт нам (считая по дюйму на год) длину входного коридора, указывающего на Полярную звезду. Точно так же и относи-

циональными размерам разнообразных змеевидных кривых, описываемых солнцем и луной. В главе СХХХ мы читаем о змее, «имеющей семьдесят кубов в своём кольце». Но, взяв известный куб в 20,6 дюймов и повторив его семьдесят раз, мы получим 1442 дюйма, что пропорционально (с точностью до семисотой доли) числу минут ($24 \times 60 = 1440$) в ежедневном вращении экватора или кольца змея; следовательно, он изображает наше деление неба на двадцать четыре часовых круга, разделённый каждый из них на шестьдесят равных частей или минут времени; оба эти деления времени были известны египтянам. И этот центральный круг, неизменное вращение которого в течение неисчислимых веков измеряло движение Земли относительно небесной сферы, и был, по-видимому, «великий Урей», о котором мы в другом месте читаем, что он сиял и руководил миллионами лет. Можно привести и другие, более сложные примеры; но и этих достаточно, чтобы понять, что в дюйме содержатся ключи к сокровенному смыслу многих символов и что, по этой причине, он и не был дан открыто как единица меры, и его место занял куб, раскрывавший тайный свой смысл только посвящённому.

тельно двойного покоя, соответствующего Двойному Залу Истины в Ритуале. Если взять семь циклов затмения, отвечающих семи Залам суда в Истине, о которых мы читаем в Ритуале, то в силу того, что каждый такой цикл содержит двести двадцать три лунных месяца, получится (считая по дюйму на месяц) вся длина пола нижнего восходящего коридора (7x223 дюйма), или Храмыны Суда. Точно так же и относительно верхней части того же двойного покоя, над которым высится огромный камень, или престол в верхнем конце, соответствующий в ритуале престолу, или Камню Господню в Двойном Зале Истины. Если взять радиус цикла перигелия, в котором точка наибольшего приближения Земли к солнечному престолу медленно обходит вокруг орбиты, то получится, считая по дюйму на столетие, прямой подъём к подножию престола; что изображает прямое восхождение просветлённого в Зале Истины к престолу, или «Камню Господню», на котором, согласно Ритуалу, восседает Озирис и возлагает на него венец Афт небесного света. Таким образом, во всём египетском учении свет видимый являлся лишь отблеском Света незримого; и в мудрости этой древней страны мерилами Истины были годы Всевышнего.

Закончив этот краткий обзор небесных периодов и их аналогий, воплощённых в каменной кладке, обратимся снова к Скрижалям Учителя этого Сокровенного Дома – земного отражения нерукотворного вечного дома в небесах, построенного божественным Горусом для отца своего Озириса, Дома Великого Бога, в который, согласно папирусу Амен-Хотепа, Тот, Вечная Мудрость, вводит Просветлённого. И в то время как мы глядим кругом в безмолвном созерцании, со всех сторон Вселенной эхом доносятся до нас глубокие слова Ритуала: «Миллиарды – мера моя. Знающий Бездны – имя моё».

Глава XI **Наставление в мудрости**

Подобно тому, как сотворённый свет является первичной силой, проявленной в системе творения, так и Несозданный, или Саморождённый Свет (Кхепер-Ра) есть первичный двигатель и творец как видимой, так и невидимой Вселенной. «Свет – Великий Творец – имя Его», – читаем мы в одной из глав, присоединённых к египетскому Ритуалу в эпоху Саисской Династии.

В другом древнем папирусе мы опять-таки читаем: «Бог Вселенной пребывает в Свете над твердью; а символы Его живут на

Земле». С этим именно божественным Светом – бессмертным, невидимым, невыносимым для смертного взора, – Светом, на который никто не может воззреть во плоти и жить, с этим Светом, известным как древней религии Египта, так и христианству, – и надлежало соединиться святому усопшему лицом к лицу неразрывными узами. Это высочайшее учение можно выразить лишь вселенским языком духовного знания. Ни в какой иной религии мы не встречаем доктрины, гласящей, что человек не теряет своей индивидуальности и вместе с тем соединяется лично с Божеством в столь совершенном слиянии, что в Ритуале, например, можно лишь с трудом отличить Озириса-душу от Озириса-Божества. «Солнце любит лик твой», – говорит Озирис в Ритуале душе, новорожденной в божественное бытие; иными словами, сама лучезарная слава создания, источник жизни и света для видимого мира, склоняется перед тем, кто стал участником в божественности его создателя. «Он есть Я, Я есть Он», – отвечает душа почти дословно словами св. Писания.

Долог и многообразен был процесс, которым, согласно учению Египта, человеческая природа соединялась с божественной, – каковое слияние осуществилось через богочеловека Озириса не путём превращения Божества в плоть, как гласят искажённые мифы классических народов, а путём внутреннего вознесения человека в Божество. И внутренне и наружно преобразование было полное. Душа, мгновенно озарённая полнотою Божества, становилась отныне способной общаться с Божественной Силой. Внешние чувства, вновь став нетленными, постепенно превращались в орудия, способные выражать приобщение души к тому состоянию неисчерпаемой силы, для которого не существует границ пространства и времени, и прошлое и будущее пребывают одинаково раскрытыми в бесконечном теперь; к той трансцендентальной свободе, когда Действие совпадает с Волей, и Воля соразмерна с Мыслью.

Для того чтобы чувства были достаточно раскрыты и озарены, чтобы понять действие творческого разума во внешней Вселенной, усопший лично должен был пройти тот путь, который учёный, не будучи ещё освобождён от рабства чувств, проделывает смутно через интеллект. Тот, кто желает понять общее начертание небес, строение сокровенного жилища человека, должен, прежде всего, очертить горизонт точки равноденствия, равномерно отделяющей свет от тьмы; горизонт, отмеченный звездой, указывающей на полюс; и должен уразуметь, почему ось Земли является для человека

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

первичной мерой пространства и бездн. Если он хочет познать тайну живой формы, океан будет наставником его по мере того, как он будет спускаться от берегов его до последних глубин и исследовать сокровенные места кипучих вод. Луна раскроет перед ним меру небесных орбит, по мере того, как с этого спутника Земли он будет наблюдать вращение и обращение нашей планеты. Дабы понять не только движение, но и эволюцию нашего земного шара, он должен дерзновенно проникнуть в глубины его магматического ядра, не страшась жгучего мрака огнедышащих бездн. И так оглядываясь назад в даль неисчислимых веков, увидит он среди непостижимых потрясений и катаклизмов Владыку Закона и заклинания его, действующие по мере того, как огромные горные хребты вздымаются всё выше и выше из хаоса, дабы уготовить поверхность земного шара для обитания человека.

Затем перед ним расстелется ткань земли, то неясное и огромное пространство, где величие открытого неба объято ночью; и он увидит, что соотношения затмений коренятся в той же силе, как и орбиты просветления, и что зона мрака измеряется светодателем. По миновании этой тени ещё более ужасающее видение встанет перед ним – страшное великолепие солнечного источника во всей его полноте; и по мере того как он будет восходить по семеричной шкале планетарных сфер, он воззрит бестрепетным оком на громадные струи и языки пламени, устремляющиеся ввысь на тысячи и мириады миль. Затем далеко-далеко в безбрежных безднах пространства глаза его, отныне лучезарные, как «очи Хатхор», отыщут возлюбленную Сотис, провозвестницу зари, врата безбрежных небес, «страну миллиона цитаделей». И в предвкушении каждой стадии этого удивительного пути, этого подчинения чувств владычеству разума мы можем проследить шаг за шагом путь кандидата, принятого Учителем Тайны, по мере того, как он вводится, проходя покой за покоем, в сокровенные места египетского Ритуала.

Но хоть бы человек и понимал материальные силы Вселенной, хотя бы он обладал знанием всех явлений небесных и состава самых далёких солнц; хотя бы он владел таким могучим жезлом наук, что мог бы по желанию выявлять органический мир из атомов зияющих бездн, – всего этого, в глазах Египта, было бы недостаточно даже для посвящения во внутренние тайны божественных реальностей. Одно развитие интеллекта недостаточно, как бы чист и возвышен он ни был; научное определение абсолютной ис-

тины недостаточно было для раскрытия тайн Господних, точно так же, как самое точное знание особенностей и пропорций Тайного Дома не раскрывают их внутренней сути без наставления в скрытой мудрости. Потому и сказано в самом начале Ритуала, в заглавии первой главы, пока ещё не произнесено ни одно слово учения, что оно исходит от Тота, «Разума и Воли Господних», как величает его надпись в Гермополисе.

Существуют три метода, которыми такое знание может быть сообщено тем, кто готов принять его: путём простого наставления, далёкого видения и личного участия. Каждый из этих методов является следующим шагом в отношении предшествующего и подготовлением к последующему. Ни один человек не может стать участником божественной природы, не будучи прежде озарён созерцанием её. Ни один человек, не получивший наставления в истине, не может созерцать Божество, и никто не может получить это посвящение, пока он не умрёт для своей плоти. Поэтому, подобно тому, как оглашённый при входе в Тайный Дом поднимался лишь на несколько ступеней при свете обычного дня и проходил, когда купол звёздного неба объяснялся ему Учителем Тайны, в глубокую тьму нисходящего коридора, так по завершении великого приготовления смерти, когда душа и дух освобождались от рабства чувств, когда тленное тело переходило в нетление через священное очищение бальзамирования, – тогда «в день погребения» незримый Учитель начинал наставлять оглашенного в тех стадиях, которые ему надлежало пройти, готовясь к посвящению. Для древнего египтянина знание Тайного Дома равнялось знанию Тайны Саркофага. Для него могила не хранила тьмы, смерть не была страшна; ибо он знал заранее звёздный путь, на котором каждый шаг приближал его к свету – Творцу.

Взяв теперь в руки *Скрижали Учителя*, вместе с оглашённым займём снова наше положение у подножия наружного подъёма, под входом, отмеченным звездой; и с ним вместе предвосхитим то время, когда, лишённый речи, воли, жизни, он поднимется, бесчувственный и бездушный, к разверстому саркофагу и начнёт своё «Восхождение во Свет» (гл. I) «рождением в мир усопших». Самые первые слова заключают в себе привет, обращённый Тотом, вечной Мудростью, *не к самому Озирису, а к усопшему, который, не забудем, носит титул Озириса*. «Привет Тебе, Озирис, сильный на небе», – говорит Божественная Мудрость, Владычица Вечности,

– так гласит первая глава, если совлечь с неё покров образной речи. «Я есмь Великий около божественного сосуда, Я за тебя сражался, Я – тот среди божественных сущностей, ради которого Озирис получает оправдание перед лицом врагов своих, в день взвешивания слов твоих обвинителей. «О, Озирис!», – так Учитель говорит усопшему, и слова его полны значения, если мы вспомним, что Божественная Мудрость есть Второе Лицо Св. Троицы, – «О, Озирис! Я – един среди Божественных Лиц, Дитя Святой Матери». И далее: «О, ты, который заставляешь душу войти совершенной в дом Озириса, позволь оправданной душе усопшего с тобой войти в дом. Пусть он видит, как ты видишь. Привет тебе, открывателю путей! Привет вам, водителям на пути, водителям души, живущей в доме Озириса. Уготовьте пути, прямыми сделайте стези усопшего, торжествующего с вами» [31]. «Если свиток этот известен на земле, – так кончается глава, – напиши его на пеленах. Это то, в силу чего он выходит в полной славе, согласно желанию своему, и идёт в дом свой».

Затем, читая главу за главой, по мере того как мы поднимаемся ступень за ступенью, мы узнаём в течение этого короткого, но крутого подъёма о подготовке, ожидающем его, когда земля вовсе скроется из его глаз.

Таким образом, мы узнаём, что после смерти усопший входит в свет бессмертия, подобно тому, как Солнце, садясь, выплывает, лучезарное, освещая мир, скрытый от наших глаз. В силу того, что усопший не может ещё вынести приговора внутреннего суда, его предупреждают заранее, что, когда он начнёт спускаться вниз, он должен идти «по дороге над землёй», по восходящему коридору, заслонённому скрытым архитравом, за потаённым порталом которого мы видим в виньетке, иллюстрирующей главу, лицо Незримого Учителя. Тот лик, на который святой усопший, когда начнется посвящение, получит силу смотреть издали, но без покрова. Прежде чем пересмотреть этот порог и пройти по дороге над землей, много испытаний, как он узнает, ожидает его. Надлежит ему совершить дела справедливости, если он не исполнил их на земле. Затем Апоп – мрачный змей, пожирающий сокровенный свет, когда спиральный мрак осеннего равноденствия окутывает свет года – лежит в засаде, чтобы задушить его в своих многочисленных кольцах, в то время как он идёт по тому пути, где свет и тьма находятся в равновесии. Оглашенный, всё восходя вверх и с каж-

дым шагом приближаясь к вратам смерти, узнаёт, что, когда они минуют этого змея, враги его будут отогнаны и чувства его будут восстановлены в полноте вечной красоты. Умалчивая о том, что с ним случится в Колодце, находящемся в западной стене, так как этого ещё не может быть ему сообщено, божественный Учитель направляет его, по совершении тайны новой жизни, к огненному испытанию и учит, что после входа и выхода из страшной комнаты он должен снова подойти к порогу справедливости. Ибо тогда, и только тогда может он стать на пороге оправдания, когда «пятна уж выжжены из сердца его» бушующим огнём.

На *пятнадцатой* ступени, высоко над горизонтом земли, глаза наши уже обращаются к наружному входу в сокровенные места, открывающему путь горизонта неба, и точно так же в главе XV усопший «приходит к стране вечности». «Могу ли я идти дальше, – продолжает он, – как и ты, без остановки, как святость твоя, Ра, ты, не имеющий никого выше себя, великий, проходящий через воды, для которого миллионы лет как одна минута?».

Затем, когда он наклоняет голову к входу в Тайный Дом и смотрит в тайный коридор, указывающий на Полярную звезду, – «я иду на небо, – говорит он, – я стою коленапреклонённый среди звёзд». И в конце главы он узнаёт, какие слова ему говорить, когда его солнце садится, и он опускается на колени, простирая руки к стране (невидимого мира): «О, вершина любви! Ты раскрываешь двойные Врата Горизонта». [32]

Этими чудесными благодарственными словами заканчивается наставление оглашённого, ввиду того, что ему дано достаточно знания для руководства его до наступления искуса, после коего он может заглянуть глубже в тайны.

В следующей главе (XVI), в то время как мы поднимаемся на последнюю ступень перед тем, как уйти от внешнего света, божественный голос замолкает на время и Ритуал безмолвно предлагает нам три картины для нашего созерцания. На одной из них единственным изображением является священный скарабей, символ Вечного Единого, самосозданной Сущности, не знающей ни конца, ни начала. На второй изображена фигура усопшего перед Аменом, сокровенным божеством; третья представляет лишь пустую стелу, или надгробный камень.

В этом периоде безмолвия усопший остается наедине с самим собой.

Глава XII Посвящение неофита

Друзья отошли. Солнце, с самого детства приветствовавшее пробуждение усопшего, навеки скрылось от взора его. Он перешагнул Врата Земли и оглашённый в мудрости стал кандидатом на бессмертие. Кругом него царит тишина, непостижимая для смертного слуха, тьма, невообразимая для смертного ока. Но под руководством Анупа (Анубиса), водителя душ, он идёт дальше, минуя Врата Восхождения, где «божественный свет поднимает диск могилы». «Это область отца его Шу (воздух, пронизанный светом), – продолжает Ритуал, – он смывает его грехи и уничтожает пороки его».

По мере того как усопший продвигается во мраке и бестрепетно вступает на нисходящую стезю, внутренний Свет, невидимый для смертного взора, открывается ему в видении. Он видит низший мир (XVII), территорию посвящения, вход в скрытые места, относительно которых божественная Мудрость наставляла его; место, «куда он должен войти и откуда он должен выйти»; перемены, которые он должен испытать для того, чтобы быть преображённым в подобие Божие; добрые дела, которые он должен сделать; престол возрождённой души и блаженное общение с Озирисом после того, как тело его упокоится. Тут же он видит вход в подземный мир, Руст, и узнаёт, что это северная дверь могилы Озириса, подобно тому, как единственный вход в Пирамиду лежит через северные врата.

С главы XVIII начинается «Книга исполнения дней», т. е. период приготовления к Посвящению и Искусу, правильное совершение коих позволит ему «идти по дороге, лежащей выше земли, дабы получить венец оправдания после того, как победа будет за ним обеспечена». Он молится Божественной Мудрости об оправдании перед врагом среди небесных хороводов духов охранителей. Вместе с шествием его по коридору божественного горизонта начинается постепенное воссоздание внутреннего человека, новое творчество к жизни бессмертной (XXI). Способности его одна за другой вновь пробуждаются к духовной жизни; уста его раскрываются, дабы мог он отвечать учениям божественного голоса – зародыша, или Яйца просветлённой жизни. Сердце его возвращается ему с тем, чтобы оно никогда больше не восставало против него с непокорной страстью; и он не знает более ледяной очоченелости

парализованной любви. Постепенно вновь созданное тело приобретает силу и субстанции, т. е. не природное тело, которое не сбрасывает своей священной пелены, пока его не пробуждают в последней главе Ритуала, а духовное и астральное тело (именуемое египтянами Саху), в котором человек, уже восставший в нетлении, но всё ещё ожидающий открытое проявление воскресения Озириса, беседует со Звёздными Духами, сущностями трансцендентных сфер. С новой жизнью начинаются и нападения его духовных врагов, ставших теперь видимыми его взору (XXVII – XXXII), страшных обитателей невидимого мира, производящих в человеке великую битву между светом и тьмой. Лень-черепаха старается задерживать его шаги, аспиды бросают в него свой яд, ползучие гады кишат на его дороге. Со всех сторон безудержные страсти, пожирающие крокодилы, населяющие воды жизни, бросаются в бешеную атаку; но он даёт отпор всем этим тварям тьмы астральным сиянием, светом своей звёздной природы. «Назад, южный крокодил! – восклицает он, – я – Сотис, звезда непреходящей зари». «Назад, – обращается он к змее, – ты побеждена небесными водами! Отойди от места, где Ра дарует обновление жизни». Когда враги его разбиты божественной защитой (XXXIII – XLI), тело, воскресшее в нетлении, получает в каждом члене и в каждой черте своей печать Господню. Волосы его, от которых свет исходит потоками, подобны «волосам Ну» [33], священного Нила, светящегося потоками жизни; лицо его, сияющее, как солнце, лучезарно, как лик Ра; очи его, светозарные, как очи Хатхор, светятся бессмертной красотой; персты его, как Уреи – священные змеи, регалии царственной мощи; ноги его горят огнём Духа – Творца Птаха; человечность его подобна человечности Озириса, воплощённого Бога. «Все члены его божественны», – гласит ритуал.

Как ни прекрасно новое астральное тело, в которое облеклось новое существо, оно всё же ещё не готово к Посвящению. Его самообладание – венец его славы – может ещё быть отнято у него; он может ещё подвергнуться второй смерти осквернения от тварей тьмы (XLIII – LI). Но, всё же, избегнув под тем же руководством всех этих опасностей, он выходит как день через западные ворота в коридор, ведущий его к Кладезю Жизни, подобно тому, как солнце проходит через врата западного океана в подземный мир. И переступив этот порог, он получает небесную пищу, которой не могут питаться души, ещё приобщённые к тому, что ненавистно Свету

(LI – LXIII). Избегнув осквернения в силу этой пищи, он получает дыхание Духа – Творца Птаха и, подходя к Кладезю Жизни, пьёт первый глоток его освежающих вод. В глубинах этого колодца, где душа приближается к Озирису, как говорит Саи-ан-Синзин, произойдёт обновление новорожденной души среди вод живых. «Я даю воду живую каждой мумии, – говорит богиня Нут, владычествующая над водами, в надписи на вазе Озур-Ура, – чтобы воссоединить её с душой, чтобы не быть им отныне разлучёнными вовеки. Владыка Запада утвердил тебя среди мудрых нижней божественной области. Он даёт устойчивость твоему телу и даст душе твоей возможность не отдаляться от тебя. Он хранит память о тебе и спасёт тело твоё ныне и вовеки».

В течение этой напряжённой подготовки, в то время как усопший уходит от земли в полном бессилии вести длительную борьбу света и тьмы, бессмертная душа, возвратившись в свою природную стихию, рождается вторично, как Озирис возрождается Изидой, Царицей Пирамиды, будучи одновременно её творением и супругом. «Я есмь Вчера, – говорит Озирис в LXIV главе, являющейся, как предполагают, почти современной основателю здания, – Я есмь тот, который был до начала времён, ибо как бы ни был отдалён во времени какой-нибудь день, ему всегда предшествовало вчера». «Я есмь Заря, – продолжает он, – свет вторичного Рождения, Тайна души, Творец богов, которыми питаются сокровенные в небесах». Так в надписи на гробнице Анкхнес-Ра-Нефераб – т. е. той, «чья жизнь была Священное Сердце Ра», – мы читаем относительно Изиды, что она есть та, «которая раскрывает перед тобой сокровенные места могущественными именами твоими. Имя Твоё – Младенец и Старец, Зародыш и Подросток, Сын Неба, пролагающий дорогу тебе согласно имени своему. Имя Твоё – Вечный, Саморождённый, Заря, День, Вечер, Ночь, Тьма. Имя Твоё – Луна, Сердце, Безмолвие, Господь невидимого мира». На другой части гробницы той же святой царицы *духи Анну*, именуемого в ритуале «сокровенным месторождением богов», призываются как те, «кто заведует священным рождением». Вместе с новым рождением души происходит также восстановление силы в её первичном, божественном образе. Подобно тому, как в состоянии, подлежащем тлению, тленные чувства господствуют над душой, так в египетской теософии в состоянии бессмертия просветительный дух пронизывает возрождённые чувства и господствует над ними. Пока

мы подчинены плоти, внешняя Вселенная постоянно отпечатывается в уме, заволакивая и держа в плену первоначальный “тип”, или образ Божества, который слабо силится выразить себя в шедеврах поэта или художника. Но когда душа рождается в новую жизнь, она обретает вновь этот творческий образ и получает силу сотрудничества с божественной энергией. Ибо, как мы читаем в полной неизъяснимой прелести главе ритуала, аромат невинности даёт запах свежести лотоса и дыхания творческой красоты.

В эту потаённую комнату входит возрождённая душа, лучезарная, как день, и, «открыв двери», дотоле тщательно скрытые, выходит в полном сиянии в поля Аахлу, в место озарения, дабы воссесть на нижнем престоле над Колодцем, между Покоем Орбиты и Покоем Теней. «Врата небес раскрываются предо мной, – говорит он, – врата земли раскрываются предо мной». Неофит в глубине Колодца, видя это торжественное воцарение, вспоминает, что приближается время испытания; он молится, как ему было сказано заранее, о том, чтобы были смыты его грехи, и празднует «торжество души, приходящей к своему телу». Но не сразу может совершиться этот приход. Хотя он и восстал в нетлении, хотя он и сияет в каждом члене своём бессмертным светом, он всё же не может вынести без завесы ослепительную славу души. Поэтому в египетском учении вокруг лучезарного существа, которое в своей возрождённой жизни приобщило к славе Божества, образовывалось *Кхаубит* [34], или светозарная атмосфера, состоящая из целого ряда тончайших эфирных оболочек, одновременно завешивающих его свет и распространяющих его, подобно тому, как земная атмосфера заслоняет и рассеивает солнечные лучи. И с каждым очередным превращением (LXXVII – LXXXVII) она спускалась ниже и ниже соответственно нравственным условиям человечества. От формы золотого ястреба, образа абсолютно божественной сущности единого вечного самосозданного существа, она переходит к Владыке Времени, образу Создателя, ввиду того, что время началось вместе с творением. Затем она принимает форму лотоса, виныетки в ритуале, изображающей голову Озириса, заключённой в этом цветке, в силу того, что Божество, проявленное во плоти, исходит из непорочной чистоты. «Я есмь чистый лотос, – читаем мы, – исходящий из лотоса света. Я есмь источник озарения и проводник дыхания бессмертной красоты (ноздри Хатхор). Я несу вести (небес); Горус (Сын Вечности) исполняет их». Затем душа перехо-

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

дит в форму Урея, «души земли», змеевидной кривой, описываемой год за годом на земле, на пути, непосредственно освещённом вертикальным Солнцем, подобно тому, как чувства просветлены высшим озарением души.

Наконец, *она* принимает вид крокодила, т. е. становится подвластна человеческим страстям. Ибо человеческие страсти, будучи частицей природы, в которой человек был первоначально создан, не являются по существу своему дурными, а становятся дурными только, если они непокорны душе. Таким образом, крокодил, осаждавший усопшего до его нового рождения, становится божественным в возрожденной форме. Потому-то крокодил очень почитался египтянами, т. к. он напоминал им о времени, когда человек будет вновь господствовать над своими страстями и когда последняя преграда между ним и его лучезарной душой будет навеки удалена. [35]

Как ни бесконечно расстояние, отделяющее оба существа, составляющих совершенное человечество, со стороны *души* нет ни колебания, ни отсрочки. Это лучезарное существо во славе своей не было хрупкого слабого товарища, с которым оно жило в дни уничтожения. Восстановленная в первичной своей чистоте, приобщённая Всемогущим к его божественной энергии, воцарённая на престоле абсолютного владычества, *душа* всё же с таким пылом возвращает любовь человека, что, подобно самому Создателю, она не может удовлетвориться своим неисчерпаемым блаженством и спешит сойти со своего престола силы, чтобы поднять и прославить ожидающее человечество. И виньетка изображает окрылённое существо, устремляющееся к неوفиту. В это время он, снизу следя за его полётом, молится в экстазе воссоединения: «О носитель, – восклицает он. – О бегущий в зале своей! – в зале Истины, где воздвигнут престол *душе*. – Великий Бог! Дай *душе* моей пойти, куда она желает. О, водители ладьи миллионов лет, ведомой через врата, очищающие путь между небом и землёй, проводите души к мумиям!»

Молитва исполняется (ХСІ – ХСІІІ). Оставив высокий престол¹² и пройдя через различные превращения, душа спускается по лестнице Колодца (в папирусе Ани). Тогда приобретается бже-

¹² Осмотр нижней части Верхней Залы Истины у самого верха Колодца (в котором ждёт неофит) обнаруживает существование Престола Души, образованного в кладке внезапным обрывом нижней части линии пола и в точности соответствующего Престолу Суда в верхней части того же подъёма.

ственное покровительство, и среди живых вод в озере Персея (дерево бессмертия, как в другом месте называет его ритуал) пламенное желание неопита удовлетворяется, и он воссоединяется со своей живой душой. «Душа моя живёт с самого начала, – говорит он, – с начала времён. Око Гора (божественного сына) сотворило для меня мою душу, приготовив сущность её. Тьма впереди их; руки Озириса удерживают их. Открой путь душе моей и ауре моей (Кхаибит) и духу моему, чтобы увидеть Великого Бога в гробнице его в день соделания душ». «Когда знание это приобретено, – добавляет ритуал, – он входит в Свет; его больше не задерживают в низших мирах».

По даровании этого бесценного сокровища неопит, хотя и не может ещё участвовать в божественной славе, пока не пройдено его испытание, всё же может созерцать его без покрова издали, и приступить к своему посвящению в священные тайны. Вознося молитву божественному Учителю и «держа в руке своей священные тайны», он смотрит открытыми глазами поочерёдно в трёх направлениях (XCV – CVI). Сперва он глядит на отверстие, где «Тот пребывает», и видит Сокровенную Мудрость, облекающую истину своей славой, лик божественного Учителя, чей голос наставляет его и чья сила охраняет неопита. По мере того, как очи его проясняются, он возносит молитву Анубису, звёздному руководителю, приведшему его к осуществлению желания его сердца; и, обернувшись, он видит ладью Ра, сосуд Господний, предсказанный ему со вступления на путь божественным Учителем, – ладью, которая повезёт его в безопасности через глубокие воды. На вишнетках ритуала мы видим ладью и на ней то пятеричную, то семеричную лестницу – *пятеричное* господство над возрождёнными чувствами и *семеричное* возвеличение просветлённого разума [36]. Ещё одно видение раскрывается перед Посвящённым. Подняв глаза к отдалённому концу Покоя Славы, далеко отстоящего от Колодца, но всё же составляющего часть этого божественного сооружения, он различает отверстие, «где пребывает Хатхор», лазурные глубины неземной красоты, ведущие ввысь к сокровенным высотам.

Он глядит в безмолвном восторге на далёкое, неизречённое видение и затем зовёт на помощь Отверзающего Великое Святилище. «О, помощник! О, помощник! – восклицает он. – Я среди слуг безмерной Красоты!».

Глава XIII Просветление в Истине

Усопший, подкреплённый воспоминанием об этом неувыдающем видении – видении Божественной Мудрости, Непорочности и Красоты, дарованном ему, получившему воды жизни и посвящённому в божественные тайны, отрывается от картины будущего своего просветления и спускается к месту предстоящего ему испытания (CVII – CXVI).

Вокруг него стоят Боги Западных Врат, духи, незримо пришедшие на помощь ему в тот час, когда солнце земной жизни закатилось на Западе. Сверху течёт поток Небесного Нила и смешивается с потоком, орошающим поля Аахлу, место пребывания возрождённого [37]. А высоко над ним, так высоко, как только может проникнуть его обострившийся взор, собрался светлый сонм звёздных существ, дабы присутствовать при его победе, суде и прославлении, при входе и выходе его из подземного *Покоя* Огненного Испытания.

По завершении этого испытания характер учения и окружения, в котором оно даётся, меняется. Не то, что атмосфера тайны ослабевает, она скорей сгущается, по мере того как мы проникаем в более сокровенные места. Но по миновании периода слабости и ожидания всё отчётливее и яснее растёт чувство силы и победы при входе в потаённые места абсолютной Истины (CXVI – CXXV). Возвращаясь вместе с Посвящённым из *Месквы* [38], или *места испытания*, мы вновь поднимаемся вверх под руководством Небесного водителя, который ведёт нас к Вратам на Горе – косяку, скрытому в потолке в далёком верхнем конце *коридора звезды*. Поднимаясь вверх, Посвящённый опять «входит и выходит» из врат Колодца, дабы снова набраться сил для предстоящего суда; и, приближаясь к скрытому порогу, который ему теперь надо перейти, и за которым пребывает сама Вечная Мудрость, он про себя повторяет незабвенные слова, которыми Божественный Учитель предварял его о наступлении часа предстания пред судом и завершении его. Когда он приходит к порогу трудных Врат Богов, «божественных душ-Озирисов», к Вратам, через которые никто не может пройти, если сперва он не вошёл и не вышел из места испытания, препятствия встречают его на каждом шагу. Как в Ритуале, так и в здании каждая часть этих чрезвычайно таинственных врат, секрет кладки которых ещё не открыт, преграждает дорогу вверх всем, кроме адепта. «Я не пропущу тебя, – говорит порог, – если

ты не скажешь имени моего». «Тяжесть в надлежащем месте – имя твоё», – таков глубокий ответ адепта. Подобно тому, как поднятие заслона зависит от правильного приспособления тяжести, так и справедливость является добродетелью, без которой высший путь остаётся навеки закрытым. «Я не пропущу тебя, – говорит левый косяк (так продолжается этот странный диалог), – пока ты не скажешь мне имени моего». «Возвращение Верного – имя твоё». «Я тебя не пропущу, – говорит правый косяк, – пока ты не скажешь имени моего». «Возвращение сердец, прошедших через суд, – имя твоё». Без правды и самопознания не может быть прогресса на восходящем пути. Мы можем сравнить с этой доктриной «Золотые Стихи» Пифагора, который сам был учеником египетских жрецов: «Будь невинен; думай, прежде чем поступать; и не давай сну сомкнуть твои вежды, пока ты три раза не проверил поступки дня: что я сделал, в чём ошибся, что оставил недоделанным. Посмотри весь счёт, и если итог дурен, упрекни себя; если хорош, возрадуйся. Делай это, над этим размышляй, люби это всегда, и оно поведёт тебя по пути добродетели».

Но тому, кто наставлен в мудрости, как ни долги, как ни трудны были поиски, вход в истину не может быть, в конце концов, преграждён. Скрытый порог перейдён, и память об этом переходе навеки свято хранится благодарным усопшим. «Я прошёл через Скрытый Порог, – победно восклицает он, – я как солнце прошёл через врата торжества». Когда врата пройдены, раскрывается личность божественного Учителя, держащего перед собой истинные веса света и тьмы. «Тайные лики у врат» снимают свои покровы; и адепт стоит в Двойной Зале Истины – истины в смерти и истины в жизни, истины в справедливости и истины в милосердии, истины во тьме и истины во славе. Тогда, победив каждое препятствие, заграждающее вход на путь, ведущий вверх, и завершив победу над смертью, он видит длинный ряд судей умершего, небесные силы, учитывающие нравственные поступки человечества, причём каждый из этих судей является верховным в своей области и в своей священной стране и каждый имеет на голове Перо Истины. И перед каждым из них по очереди адепт, чьи грехи были смыты с сердца его в огне испытания, свидетельствует о своей невинности в грехе, в коем этот судья является специальным воздаятелем.

Очень страшны образы, под которыми представлены эти духи, испытующие сердце, – они страшны как нравственные последствия наших поступков, рассматриваемых при внутреннем свете истины. Очи огня – страсть, иссушающая ум; Лик дыма – гордость,

заволакивающая суждение; Разъедающий кости – похоть, разъедающая мужской пол, – таковы ужасные регалии демонических сил. Страшнее всех дух, «чьи уста скошены, когда он говорит, потому что его лицо находится позади него». Это – дух совести, неумолимо устремляющий свои страшные очи на наше прошлое, и говорящий ртом, искажённым болью самоосуждения, это крик кающегося грешника, с той же горечью раздающийся теперь, как и три тысячи лет тому назад: «Грех мой всегда передо мной».

Усопший, не робея перед этим высоким судилищем, которое, как мы узнаём у порога, может вынести лишь тот, кто воистину сам себя осудил, поднимается под защитой божественного водителя по коридору тени, где меркнет свет, и где он завершает истинную победу над смертью (СХХVII – СХХХ). По мере того, как он приближается к низким, но не заграждённым вратам, начинает пробиваться сияние славы, и он видит перед собой священную орбиту вращающейся Земли, отмеченную четырьмя пылающими точками солнцестояния и равноденствия, подобно огненной чаше, окружённой четырьмя языками струящегося пламени. Впереди этих четырёх точек небес восседают четыре божественных духа, имеющие форму обезьяны, как наиболее приближающуюся к форме человеческой. Этим четырём вселенским стражам и провозвестникам истины оправданный молится, чтобы быть ему очищенным от грехов своих. «О, вы, – говорит он, – воссылающие истину к вселенскому Господу, питаемые без обмана, ненавидящие зло, изымите всё зло из меня! Сотрите пороки мои и уничтожьте грехи мои». «Ты можешь идти, – раздаётся милостивый ответ четырёх небесных наставников, – мы стираем все пороки твои, мы уничтожаем все грехи твои». Таким образом, – гласит ритуал, – происходит отделение его от всех грехов, «после того, как он увидел лицо Богов». Отныне смерть не имеет более власти над ним, и он в экстазе воздаёт благодарения верховным судьям, богам Орбиты, к которым он теперь направляется, и к Озирису на троне своём. Пока он стоит у входа в верхний покой, где лёгкий выступ нижнего пола свидетельствует о проходе от жизни к смерти, божественный голос, который безмолвствовал, пока не выучен был его первый урок, возобновляет свои наставления и “учит” его, как стать у ладьи Ра – уж не в нижней только части её, а во всех её частях. Повинуясь божественному велению, он проходит через Врата Врат и празднует рождение Озириса, начало Вечного Года. Затем, продвинувшись на шаг и став в зале на небольшом возвышении, он видит всё здание перед собой, в обширном пространстве Вселен-

ной в её неизреченном величии, раскрытом теперь его непорочно-му духу. У порога справедливости всё было загромождено, тут же все части лежат открытыми. «Раскрываются небеса, – читаем мы¹³, – покой славы с её семеричными лучами вокруг солнечного престола; открывается земля – покой тени; открывается север – вход в покой Полярной звезды; открывается юг – высокая лестница во внутренние покои; открывается запад – вход в Колодец; открывается восток – вечный покой нового Рождения, с его пятиступенным восточным подъёмом; северный и южный притворы открываются в Преддверие и Великий покой Воскресения. Здесь также «перекрёсток чистых путей жизни», о которых говорит гробница Амаму. Сзади – пути тьмы, о прохождении которых усопший в Ритуале так горячо когда-то молился. Впереди лежат поля Аахлу, блаженная страна, где оправданный исполняет дела, которые он имеет счастье делать для Озириса.

Взрыв победной радости встречает оправданного, когда, пройдя Коридор Солнца, он входит в покой Орбиты в Зал Озарения. «Усопший, – читаем мы, – проходит через Врата Врат. Уготовьте его покой, когда он придёт. Оправдайте его слова перед обвинителями. Ему даётся пища богов Врат. Для него был сделан венец, принадлежащий ему как обитателю Сокровенного Места». В другом месте оправданный восклицает: «Я открыл врата неба и земли (у соединения залов Орбиты и Тени). Душа Озириса покоится там. Я прохожу через эти залы. Нет во мне ни порока, ни зла». И опять усопший молится, чтобы ему пройти через этот зал: «Поставь меня перед собой, Владыка Вечности. Привет тебе, живущему на Западе, прекрасное существо, Владыка Абидоса. Дай мне пройти пути тьмы; дай мне идти за слугою твоим через Врата».

Такая же восторженная нота отмечает места в Саи-ан-Синзине, где мы читаем о великом судилище и Доме Света. «Ты приходишь в Дом Господний в большой чистоте», – с плачем восклицают оставшиеся, обращаясь к усопшему. «Боги обильно очистили тебя в великом суде. Ты не исключён из небес; тело твоё обновлено в присутствии Озириса. Ты не был исключён из Дома Славы. Ты видишь Пути Красоты, завершающие собою всякое превращение, которое ты желаешь». И древняя гробница Амаму имела снаружи следующую надпись, полную порыва и надежды: «Акт поклонения психопомпу-Анубису, водителю усопших по далёким путям, самым прекрасным в святой стране», т. е. в стране святых усопших.

¹³ Здесь опять-таки обращаем внимание на внутренность Тайного Дома.

«Очи твои, – гласят священные писания, – узрят царя во славе своей, они увидят далёкую страну».

По миновании врат божественный голос возобновляет свои наставления и говорит оправданному о вхождении в небо, где пребывает Озирис; о принятии его в святое сердце Ра – источник жизни; о поклонении, которое он должен воздать; о сосуде вечности, в котором святые души вечно пребывают; о радости неба; о появлении Бога человеку и об именах и местах, где эти появления происходят. И ныне оправданный стоит во всей славе Орбиты и смотрит вперёд не зрением смертного зрителя, а как смотрят бессмертные духи, окружающие престол. Пока он стоит в созерцании, слава за славой, откровение за откровением раскрываются перед его взорами. Сверху, с лучезарного престола пламенного солнца, вдоль безбрежной линии пространства, вдоль семеричной стены планетарных высот, вдоль куполообразного потолка небесного свода, реки, потоки света устремляются на него, чьи очи открыты; каждое светило, каждое небесное тело, каждая далёкая звезда присоединяет своё немеркнувшее сияние к славе, превосходящей понимание, как поток летних лучей, как наводнение неуправляемого Нила.

Но Озарённый свободно дышит воздухом развёрстанных небес. Чувства его, навсегда оживотворённые, проникают последние грани пространства; его обострившийся ум усваивает каждый звёздный закон и гармонию; его очищенный дух, не ослеплённый неизреченным светом, распознаёт сокровенную любовь, восседающую на престоле. Уже не как чужой, на расстоянии, а как принц, допущенный до высших почестей, оправданный занимает своё место на прямой линии подхода, и вокруг него, и вверху, и над ним неизмеримое пространство наполнено сонмами и сонмами духов правителей; «Он прошёл свои миллиарды, – читаем мы, – сонм огненных правителей вокруг него. Их благословения следуют за ним». «Иди, – говорит Истина, – и он приближается к Владыке её».

Глава XIV Учитель Тайны

При этих милосердных словах Истины бездны тайн раскрывают самые свои сокровенные глубины. Сперва Покой Тени заливается лучезарным сиянием; и Озарённый распознаёт природу греха при свете истины (CXLIV – CL). Семь покоев смертного греха, каждый из них измеряемый своим циклом затмения, лежат раскрытыми перед ним, увидевшим лицо Господне; и каждое имя

тайны выявляет форму тьмы. «Болтливая» злоба, любящая унижать; «огненноликий» гнев, внезапно выскакивающий; зависть – «глотатель грязи»; ненависть, безмолвная и «бдительная»; чувственность, обжигающая и опрокидывающая в одно мгновение, которая «накапливается годами»; гордость «с каменным ликом»; лень, делающая сердце безнадежно омертвелым, «окончательно задерживающая отверженного» – все они раскрывают природу свою тому, над кем смерть не имеет больше власти. И он различает (как и в виньетке ритуала) семь духов мстителей, вооружённых каждый из них двумя мечами физической и духовной гибели.

Поднимаясь затем по крутому подъёму, он видит тайну суда, раскрывающуюся перед ним поочерёдными стадиями по мере того, как врата Аахлу – те врата божественного бытия, чьё Сердце есть Красота, – распахиваются перед ним. У каждого из первых десяти врат течёт небесный поток сверкающих вод, изливающий свой неувядающий блеск на Озарённого. По мере того, как он поднимается к престолу Озириса, у девятнадцатых врат [39] его облекают в одеяния силы; и у врат Говорящего Венца он стоит под семеричной аркой планетарных сфер. Непосредственно за ней находится Камень Господень, где он получает от божественного существа, занимающего его Венец Озарения, египетский венец Афт, сделанный по образу зодиакального света высшего неба. За престолом видны Врата Мира – конец пути – с их семью венцами радости.

«Я кончил путь, – восклицает он (CXLV), – Я есмь Владыка Воскресения [40], Воздаятель Отца его, Святого Единого. Я пришёл. Я для Отца моего низвергаю всех врагов его. Я иду со всей славой и всей истиной слова. Аз есмь Учитель Веры [41] в обители Отца моего. Я иду в полноте славы в храм, чтобы воскурить фимиам. Я раздаю священные одежды. Я получаю диадему и венчаю себя в обители Отца моего и князей неба». И далее в следующей главе: «О, Владыка Алтарей, Я проложил пути, Я есмь Гор, сын Озириса. Моя Мать, Изиды, охраняет меня. Я иду. Я приношу светлую жизнь Отцу моему Озирису. Я прихожу в полноте славы к вратам сокровенного и знаю тайны, сокрытые в ней. Я прихожу в полноте славы к вратам Учителя высшего. О, Владыки Вечности, Я совершил путь мой, Я – Гор, сын Озириса, Наследник Святого Единого».

Но не может ещё Озарённый достигнуть предельного мира, лежащего за этими вратами.

Смерть и суд являются не единственными тайнами, которые имеют быть раскрытыми, когда очи веры становятся очами зрения. Озарённый должен ещё посетить места божественного рождения, покой «в полях Аахлу», прежде чем стать Владыкой Тайны. И по мере того, как он проходит врата за вратами в этих полях, он перечисляет титулы тех, к обители коих он приближается: Владычица Священной Рощи, Царица Небес, Правительница Земли, Опора Кротких [42] сердцем, Владычица Молитвы, Свет Тайной Реки. Затем, познав величие Царицы, он оглядывает семеричную арку, тайну трансцендентного неба, и беседует с семью высшими Сущностями, господствующими над велелепием творения. И теперь «писание, дарующее совершенство», вручается ему (CXLVIII), свиток, узреть который могут лишь царь и первосвященник; из него он узнаёт молитву «о пище и питье обитателей дома». Всё же ещё раз, во всей силе этого божественного подкрепления, должны быть испытаны глубины и пройдены сокровенные места, прежде чем Озарённый может пройти как Учитель через врата Мира (CLI – CLXIII). Остаётся ещё одна тайна смерти, самая страшная и непостижимая из всех. Пока мы ещё несовершенны, мы приобретаем некоторые знания относительно действия нравственной смерти на нас и даже смутно предугадываем её природу, рассматриваемую в свете абсолютной истины. Но кто может проникнуть в тайны божественного соизволения? Если Всемогущий вместе с тем и Вседобрый, как допускает он зло? Если он милосерд, как позволяет он, чтобы страдали его создания? Как могут наши поступки быть справедливо “взвешены”, когда силы, произведшие их, не нами созданы? Почему нас сделали участниками борьбы света и тьмы, когда нам не дан был выбор: существовать или нет? Почему души праведных людей лукаво ловятся в расставленные ловушки и уничтожаются? Откуда течёт “смердный поток”, от которого человек должен очиститься и который заставляет содрогаться все живые существа? Мы ставим все эти вопросы и ставим не напрасно. Опять-таки, если эта чёрная тень, этот ужас, составляющий глубины человеческого страдания, – погружение вечной справедливости во мрак полного затмения – всё ещё может пробуждать и охватывать душу, может ли когда-нибудь человек считать себя в безопасности, и какие откровения или степени славы могут принести ему покой? Но вместе с тем, кто может сомневаться в том, что и этому предназначено раствориться в свете, когда тайны будут раскрыты и озарение превратится в слияние? Так, по крайней мере, гласит

религия Древнего Египта, согласно которой, после того как другие тайны смерти и суда сообщены Озарённому; после того, как он вошёл в тайны нового рождения и беседовал с высшими Сущностями, «стражами у гроба Озириса»; после того как время перестало существовать для него, и он понял план Вечного Дома от основания до вершины, он совершает в последний раз обход его сокровенных мест. Облачённый во власть и увенчанный светом, он проходит по местам своих прежних падений и видит там, при свете своего просветлённого понимания, как «Озирис уравнивает весы того, кто правит небесами»; он исполняет свою творческую волю в её превысшей свободе, будучи не рабом, а владыкой чувств; и радуется справедливому страданию, выковавшему и Озарение и Владычество.

Наконец, по завершении этого великого обхода жилищ человечества Учитель возвращается во всём своём величии к небесным сонмам, собранным перед солнечным престолом. Взойдя под семеричную арку, он вступает на самый камень Господень и проходит через Врата Мира, с их семью венцами и титулами славы. Затем, обгоняя в своём полёте силу *смертной мысли*, он устремляется за сияющую орбиту Земли, за обширное необъятное пространство солнечной славы – через страшные пропасти неизмеримых глубин далёкого Сотиса, страны вечной зари, к преддверию «незакатного дня».

«Звезда его утверждена в Сотис», – говорит ритуал. И здесь перед Озарённым, ныне ставшим Учителем, раскрываются последние тайны, предшествующие вселенской славе, «тайны божественного страдания», «слёзы Изиды», откуда течёт источник небесного Нила, источник просветления человека. Здесь он входит за тройную завесу и ему даруют нетленные драгоценности превысшего света.

Затем наступает конечная тайна, когда могила раскрывается и тело воскресает в бессмертии. «Привет Тебе, Отцу Света», – читаем мы в главе (CLIV), повествующей нам, каким образом тело святого не познаёт тления. «Я пришёл, имея тело моё освобождённым от тления; я целостен, как мой Отец, саморождённый Бог, чей образ в нетленном теле. Утверди меня. Сделай меня совершенным как Владыку Могилы». «В этом, – продолжает глава, – состоит тайна преображения в теле, тайна жизни, исходящей от уничтожения жизни». Читая, мы не можем не вспомнить новозаветные параллели.

Так и в конечной главе книги мы слышим весть о воскресении, провозглашенную словно трубным звуком; и в последнем покое Дома мы находим Открытый Саркофаг. «Я открыла двери», – восклицает душа-Озирис, прославленная ныне в доме Обители Истины и неразрывно слившаяся с Творцом. «Я открыла двери... благо великому, который в саркофаге. Ибо всем мёртвым будут проложены пути к нему (через их бальзамирование), когда тело их воскреснет в нетлении». Снова и снова совершается тайна открытого саркофага.

Подобно тому, как затмевающая планета ближе всего находится к Солнцу и ползет как черепаха через лик этого светила, искажая его на мгновение своею тьмой, а затем поглощается его сиянием, так и смерть – это тёмное пятно, что ползёт через видение вечного велелетия, – поглощается в воскресении Озириса Ра, Несозданного Света. Четыре раза это учение Древнего Египта провозглашается в заключительной главе, не имеющей заглавия в *Скрижалях Учителя*, но в другом месте именуемой Главой Раскрытия Неба. «Черепаха умирает. Ра живет!». Смерть поглощается Светом; Бог живет вовеки. «О, Амен, Амен, – так продолжается эта таинственная глава, – Амен, который еси на небесах, дай лик твой телу Сына твоего. Да будет ему хорошо в Гадесе. [43] Свершилось» [44].

Так заканчивается странный и торжественный похоронный Ритуал Древнего Египта. Раз он понят, тесная внутренняя связь между сокровенным учением наиболее почитаемых книг Египта и тайным смыслом его наиболее почитаемого памятника не может быть расторгнута; и каждая из этих форм взаимно иллюстрируют и проникают друг в друга. Изучая загадочные изречения и мистические намеки в книге, мы как бы стоим среди глубокой тьмы, окутывающей всю внутренность здания. Кругом собраны духи и силы, составляющие тайну невидимого мира: Тайные лики у Врат, божественные существа Горизонта и Орбиты. И смутно перед нашими глазами век за веком безмолвно тянется процессия египетских усопших, проходящих через Врата на Горе к судилищу Озириса. Тщетно будем мы пытаться проследить их шаги, пока мы не войдём с ними в сокровенные места Тайного Дома. Но как только мы входим в таинственный свет, так учение священных книг как бы освещает их потоками пламени. Сама светозарная завеса словно тает, раскрывая Путь Просветления и славу невидимого; духи праведников становятся сияющими от лучей, исходящих от престола.

Ибо хотя никто не может смотреть на эти вещи непосредственно, пока страж звёздных врат Света не распахнет перед ним врат Света, всё же для того, кто был мистически посвящён в глубоких водах и озарён Духом семеричной красоты, невидимые вещи становятся проявленными видимым творением и неземной свет раскрывает в её божественном единстве полную тайну сокровенных мест: Вступления на Путь к небу, кладезю жизни; Посвящения в новое рождение; Испытания Огнём; Врат Справедливости; Суда в смерти; Просветления в Истине; Престола Лучезарного Света – пока не пройден за завесой путь могилы и мы не доходим до великого покоя Раскрытого Саркофага [45].

Лишь таким образом, согласно этой древней религии, может человек исполнить свое чудесное призвание; и таким образом может это призвание удовлетворить желание его сердца. Если верно, как утверждают некоторые, что, хотя снимаются завеса за завесой, за ними вновь «завеса за завесой» без конца; что человек во всю вечность не познает, как он должен быть познан, – тогда создание его тщетно и его воскресенье – насмешка. Ни знание тайн материальной Вселенной, ни владычество над силами жизни и смерти, ни воля проникнуть через завесу, заслоняющую невидимый мир, и общение с духовными Сущностями – не удовлетворят его сокровенных стремлений. Ибо душа человека – о том свидетельствует жажда нерушимой истины, первичный инстинкт сердца – не узнает покоя, и его дух не может быть удовлетворён, пока останется самая тонкая пелена, заслоняющая неомрачённое видение Сокровенной Любви; пока он не станет лицом к лицу и с глазу на глаз с Тем, Кто ведает Бездны.

Примечания

1. Хатхор – «Дом Хора» – богиня неба (обитель Хора). Изображалась в виде коровы или женщины с коровьими рогами на голове, между которыми расположен солнечный диск. В «Текстах пирамид», древнейшем кодексе заупокойного культа, Хатхор выступает как мать Хора, позднее, в гелиопольской космогонии специально, её вытеснила в этой роли Изида. Русский эквивалент: «Хата Хора», «хорошая хата», горница. Горница и церковные хоры, равно как и понятия хороший и горний – достижения русской языковой эзотерики, восходящие к Древнему Египту. Нагорная проповедь, начинающая мистерию Нового Завета, и Тайная Вечеря, происходившая в горнице, венчающая её, оформляют гностически пророческий клич: «Из Египта воззвал Я Сына Моего!».

2. Эзотерическая раскладка: Бог Сын – Свет; Богиня Мать – Мысль, Бог Отец – Ум, Аум (Оум), Покой. О Свете Ин. III, 19-21.

3. Если не считать известного «Аз есмь Путь, Истина и Жизнь».

4. Горница (см. прим. 1) является специально сакральным пространством, где прикровенная интерьерность помещения соединяется с экстерьерным понятием горы. В горнице дома апостола Иоанна Марка происходит мистерия Тайной Вечери. В христианских церквях ей соответствуют хоры.

5. Никодим – новозаветный фарисей, член тайного апостолата Христа. Сведения о нём содержатся в Ин. III, 1-21; VII, 50-52; XIX, 38-42. Христос упрекает его в незнании содержания 20-го аркана Тарота «Воскрешение», хотя, выходя из Египта, евреи вынесли знание этой эзотерической тайны. Но постепенно египетская основа еврейского гнозиса выветрилась, и осуществлявший свободную трансмиссию между этим миром и тем плотник из Иудеи сказал Никодиму: «Ты – учитель Израилев, и этого ли не знаешь?».

6. Согласно капитальному исследованию Зигмунда Фрейда, Моисей (Мосе – «дитя» др. егип.) был египтянином, одним из адептов фараона-мессии Эхнатона.

7. Верхний Египет основан лемурийцами, Нижний – атлантами. Объединение двух Египтов, двух ментальностей и культур, и стало основой феномена.

8. Кинокефал – собачьеголовый (греч.), – павиан, одно из символических животных бога Тота. Собачье(*шакало*)головым был и бог Анубис, осуществлявший трансмиссию между двумя мирами: наземным, Хроносом, и подземным, Хтоносом. Анубис был проводником душ усопших в Царстве Мёртвых. В 10-м аркане Тарота – *Колесо Фортуны* – Кинокефал противопоставлен как “доброе” (со знаком плюс) божество “злому” (со знаком минус) Тифону.

9. Комплекс трёх гизских пирамид вместе с четырьмя разнесёнными является, как показали современные исследования (Бьюэл Р., Джилберт Э. Секреты пирамид. – М., 1996), пропорционально точным изображением на Земле созвездия Орион, которое отождествлялось египтянами с фигурой идущего Осириса; три гизских пирамиды идентифицировались с “поясом Ориона”.

10. Египетская религия обстроила тайну Абсолюта многоцветьем проявленных богов, многие из которых были обожествлёнными культурными героями.

11. Чтобы понять значение Нового Завета – в отличие от Старого (Ветхого), – вспомним, что Иешуа Га Ноцри отменяет казнь как небывшую. Только после этого история начинает двигаться дальше. До того это было невозможно.

12. Неб, Нэбо перешло в русское *небо*, *небесный*, что, как видим, связано не столько с чувственным любованием глаза голубизной небес, но и восторгом разума при постижении божественного совершенства небесной механики.

13. *Конец-Начало* – мистическая точка на циклическом изображении Урея (Змея, пожирающего свой хвост – символа актуальной бесконечности), где соединяются голова и хвост Змея. В этом случае прошлое оказывается впереди, а не позади настоящего, что соответствует идее возвращения человечества к высочайшему уровню первовицилизаций: Атлантиды, Лемурии, Гипербореи и Пацифиды.

14. По сегодняшним уточнённым данным, строительство пирамид в Египте производилось с Третьей по Шестую династию (ок. 2686–2181 г. до н. э.). Инициатором его был Имхотеп, построивший первую пирамиду для фараона III династии Джосера. Гизский ансамбль был построен для фараонов IV династии зодчим Хемиуном.

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

15. Свидетельство чрезвычайной важности. 15-й аркан Тарота *Сатанаил* открывает (после “*фильтра*” 16-го аркана) цепь космических арканов: *Звезда, Луна, Солнце, Воскресенье, Fool of Nature, Мир*. Именно *качество демонологии* решает религиозную высоту духовного стояния нации. Египтяне являют высочайший, почти Атлантический уровень. После «Мастера и Маргариты» этот уровень освоен и Россией.

16. *Ta M Ta* – соответствует ритмическому рисунку биения человеческого сердца.

17. Русские эквиваленты индийского Свами-бху – самобытный, своеобразный.

18. Выражение профанного восторга перед всемогуществом Творца. На самом деле, творя Вселенную, Бог не только играл, но и трудился, т. е. ставил себе *предельные* задачи, что и выражается словом *творчество*; всё остальное – *баловство*.

19. Форма = *фор* (for) – сильный, крепкий, могучий + *ма* – мать, материя, матрица.

20. Монотеизм – эзотерическая сердцевина всех религиозных структур мира, построенных на откровении, собственно в этом и заключающемся.

21. Добавим сюда ещё и пёсеголового Христофора, одного из самых почитаемых святых христианского пантеона. Это скл-воспоминание о египетском боге Анубисе (кинокефале).

22. Точно так же и Бог вездесущ на атомарном уровне и персонален внутри сотворённой Вселенной, что даёт возможность существовать Иерархии и быть ближе или дальше от Бога.

23. Двойник Ка – принцип *ка*-чества в человеке; ему противостоит принцип С° (Ко-мпания), *ко*-личества, суетного множества, толпы.

24. Недаром греки поставили Храм Неведомому Богу, т. е. Сокровенному Богу, Амену.

25. Правильное понимание: наступление эпохи Овен (ок. 2160 – 1 гг. до н. э.) с его “родным” культом бараноголового Хнума, – сопровождалось поклонением быку-апису, пришедшему из эпохи Тельца (ок. 4320-2160 г. г. до н. э.); так и Христос, Агнец Божий,

является агентом эпохи Овен (эпохи аватаров) в эпохе Рыб (эпохе Разделения).

26. Реальность такова: осталось не то, что венчало ажурной короной культурные достижения высших, но то, что давило железной пятой варварство низших, включая и разрушительных духов земли.

27. Семнадцатый аркан Тарота *Звезда* открывает цепь космических арканов (17, 18, 19, 20, 22), следующих после экзамена 15-го аркана (*Сатанаил*) и окончательной чистки 16-го аркана (*Молния с неба*).

28. Число 36 обладает многими мистическими свойствами; главное – это *кубическое число*: $1^3 + 2^3 + 3^3$, что есть манифестация стремления к объёму и взаимодействия всех трёх земных измерений. Это ещё и математический образ “обработки дикого камня” в куб, являющийся идеальным строительным модулем.

29. Сумма элементов: $28 + 36 + 7 + 7$ равна 78 Малым и Большим арканам Тарота.

30. Так изображался Дажь-Бог Атон в религиозной доктрине Эхнатона.

31. Это почти слово в слово повторяет знаменитый «Глас вопиющего в пустыне», что лишний раз доказывает египетское происхождение Торы.

32. С 15-го аркана Тарота начинается посвятельная стадия, называемая *Путь в гору* (т. е. путь к Гору); 15-й аркан посвящён Люциферу, носителю Света.

33. Ну, Нун – первозданный океан, космогоническая водная стихия.

34. Санскритский эквивалент: аура. Дальнейшие определения дают возможность присвоить ей название «паллиатив», чему в Тароте соответствует 9-й аркан.

35. В Тароте этому посвящён 21-й аркан, *Дурак*, или *Крокодил* – последний перед преображением.

36. Если оба эти господства достигнуты (5-й и 7-й арканы), то человек умирает для мира сего (13-й аркан).

ЕГИПЕТСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

37. Это то, что превратилось потом в Елисейские поля европейской мифологии. Правильнее – *Иалу*.

38. Таинственная *Месква* – место испытания особенно много говорит русскому сердцу, не только потому, что столица много-страдальной России – Москва, но и из-за того, что *Мес-ква* – это место квалификации, то есть выявления подлинного качества (quality) испытываемого.

39. Девятнадцатый аркан Таро посвящён *Солнцу*; это аркан силы и радости.

40. Двадцатый аркан, *Воскрешение из мёртвых* – это евангельское *зерно*, которое «если умрёт, принесёт многие плоды».

41. Вера, Ве-Ра – Ведение Ра, Познание Ра. В эзотерике *познание* – высшая форма любви.

42. Это *наследующие землю* Нагорной проповеди.

43. Гадес-Хтонос, место обитания душ покойников (русская *Навь*) и подземных существ-гадов.

44. Последнее слово Христа на кресте. Обращение – образец молитвы «Отче наш» Нового завета. «Аминь!», которым она закрепляется, приводит нас к египетскому оригиналу.

45. Русское *могила* – от слова мочь, potentная мощью (возникает вопрос: мощью чего?) восходит к первооригиналу Саркофага Преображения описанного ритуала.